

В. П. ШИРИКОВ

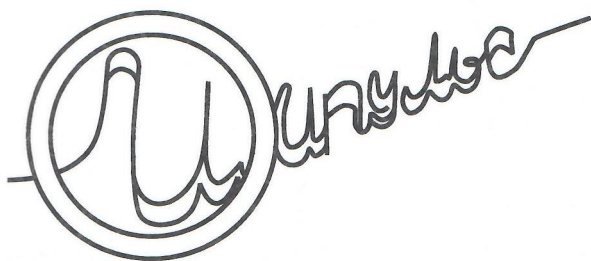
ИЗБРАННОЕ

В. П. ШИРИКОВ

ИЗБРАННОЕ

Дубна 2006

УДК 82-341
ББК 84-15
Ш64

Художественное оформление *О. В. Благодравовой*

Шириков В. П.

Ш64 Избранное. — Дубна: ОИЯИ, 2006. — 157 с.

ISBN 5-9530-0107-X

В книгу вошли избранные произведения, написанные в 1964–1990 гг. для стенной газеты «Импульс».

ISBN 5-9530-0107-X

© В. П. Шириков, 2006

© Объединенный институт ядерных
исследований, 2006

ПРЕДИСЛОВИЕ

В начале 1960-х годов по решению партбюро ВЦ при Лаборатории теоретической физики ОИЯИ была создана редколлегия стенной газеты «Импульс». Первым редактором был Б. В. Феокистов, затем его сменила Э. В. Шаропова. Члены редколлегии были слишком молоды и главным редакторам иногда приходилось сдерживать их эмоции. Редколлегия была сформирована по всем правилам: был отдел производственной деятельности, художественный отдел и отдел сатиры и юмора. Вначале сатириков было двое — В. Шириков и А. Корнейчук. Э. В. Шаропова имела большой организаторский талант и иногда даже прибегала к неординарным методам управления. Так, например, когда однажды ей не понравился проект номера, она пригрозила всем, что никого не выпустит из комнаты партбюро, где происходило заседание, пока не будет придуман хороший, по ее мнению, номер. Благодаря стараниям хороших главных редакторов, искусных художников и юмористов газета пользовалась большим успехом в нашем институте, занимала призовые места в конкурсах среди стенных газет лабораторий.

В 1976 году Э. В. Шаропова собрала часть редакции по особому случаю — приближалось сорокалетие юмориста В. Ширикова и она предложила издать своими силами книгу его заметок, опубликованных в «Импульсе». Все задуманное держалось в большом секрете от юбиляра. Тексты заметок Э. В. достала из своего архива. Оказывается, что все материалы газеты печатались в трех экземплярах и каждый номер хранился в отдельной папке. К намеченному сроку первый том собрания сочинений В. П. Ширикова в одном экземпляре вышел и очень удивил и порадовал юбиляра, который впоследствии сам стал собирать свои рукописи, а не разбрасывать их где попало. Редакторами первого тома были Э. В. Шаропова, А. А. Корнейчук, их замами — Ф. И. Ефимова и Г. Л. Семашко, художником была О. В. Благонравова, а художественным редактором — Н. П. Алексеева, корректорами были В. С. Конская и А. Н. Графова, за переплет отвечала Г. Г. Субботина, красивое фото предоставил Ю. А. Туманов. Сейчас, по прошествии стольких лет, трудно оценить, кто больше радовался выпуску тома — редколлегия или юбиляр.

В 1982 году вышел второй том сочинений В. П. Ширикова и тоже в одном экземпляре, где были опубликованы его стихотворные посвящения друзьям (не вошедшие в данное издание) и некоторые заметки из газеты «Импульс». Редактором второго тома была Н. Ю. Ширикова, художни-

ком — О. В. Благонравова, корректорами — Н. С. Исаева и А. Н. Графова, фото предоставил А. Ю. Курятников.

Третий том так и не появился в 1996 году: времена изменились, не стало газеты «Импульс» и Э. В. Шараповой.

В преддверии следующего юбилея В. П. Ширикова и 50-летия института возникла идея выпустить избранное юбиляра. Дирекция Лаборатории информационных технологий ее поддержала, так как в избранном отражены развитие и становление лаборатории, некоторые зарисовки из жизни института и это будет интересно многим: тем, кто упоминается в статьях, и тем, кто приходил в лабораторию и работал на ЭВМ.

К ИСТОРИИ ЭВМ В ВЦ И ЛВТА

«Иди отсюда», — сказал Мишке Васька из 12-й квартиры, когда выяснилось, что Мишка завалил план перевозок песка. Мишка забрал свою машину и прямо от песочницы пошел домой.

«Мама, — сказал он, — как хочешь, но мне нужна еще одна машина. Ребята и так уже меня город строить не принимают». «Горе ты мое», — сказала мама, но вечером они пошли в магазин.

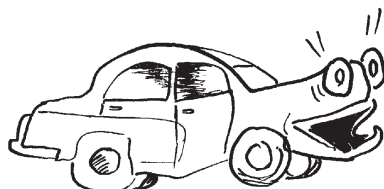
Машин в игрушечном отделе не было: директор магазина и главный товаровед уже неделю выясняли отношения с ревизионной комиссией, и им было не до игрушек. Но продавец дядя Вася вытащил из коробки самосвал и катнул его по прилавку: «Шик-машина! Киевский завод тех.игрушки!» Колеса у самосвала не крутились. «На фига он мне такой нужен», — расстроился Мишка. «Боже мой, что ты говоришь!» — ужаснулась мама и спросила: «Сколько?» «Пять рублей, — ответил дядя Вася. «На старые?» — спросила мама. «На новые».

Из магазина Мишка пришел сердитый. На другой день выяснилось, что кузов у самосвала не держится и песок сва-

ливался сразу после погрузки. Ребята закрепили кузов проволокой и сделали из самосвала грузовик. Так как колеса у него все-таки не крутились, его привязали к старой Мишкиной машине на буксир.

Домой Мишка пришел в слезах и соплях. «Вот такая, брат, ситуация, — выслушав его, резюмировал папа. — Надо тебе, конечно, хорошую большую машину». Через неделю самосвал подарили детскому саду, куда Мишка не ходил временно из-за карантина по свинке, а мама купила ему по случаю машинку. Машинка была ничего, но маленькая, и песок можно было насыпать только в кабину. Мишка снова привязал ее к своей старой машине и кое-как выходил из положения. «Ты достаточно зарабатываешь, чтобы у ребенка не было недостатка в игрушках. И я не хочу больше выслушивать таких вещей, какие мне выложила эта Морозова: ее Вовка (до чего вредный парень!) говорил ей, что у нашего Мишки машины ни к черту и ребята без него обойдутся», — жаловалась мама папе на семейном совете. «Уши бы оборвать этому Вовке, — злился папа, — я виноват, что у нас хороших машин не делают?»

Через пару дней папа уехал в командировку и привез пожарную машину, легковушку и электрокар. Мишка плакал целый вечер. «Ребенку нужна большая грузовая машина, а ты что покупаешь?» — спросила мама. «Некогда было. Купил что подвернулось. Обойдется, — ответил папа, — через месяц поеду в Ташкент, куплю ему что-нибудь подходящее». Через месяц от папы из Ташкента пришло письмо. Папа просил передать Мишке, что купил ему заводной мотоцикл. «Эх, родители... — только и сказал Мишка, выслушав маму, — ну вас, с вашими машинами, чего я с ними со всеми буду делать...». На следующий день, возвращаясь с работы, мама видела, как Мишка пек пироги с девочками из соседнего подъезда.

КАК Я БЫЛ НАЧАЛЬНИКОМ

Люди! Любите своих начальников

(Ниоткуда. Выстрадано)

Через неделю после отъезда Н. Н. Говоруна в Женеву я оказался в положении ильфовского монархиста, который мечтал увидеть во сне что-нибудь вроде въезда Патриарха Всея Руси в Калугу, а видел собрание членов-пайщиков кассы взаимопомощи. Меня начали преследовать производственные сны. В них было так много информации, что я просыпался среди ночи: голова кружилась, как после хорошей выпивки.

— Что ты стонешь? — с тревогой допытывалась жена как-то часа в 2 ночи.

— Куда вы звоните? — ответил я вопросом на вопрос. — Нет здесь Ососкова!

Первое время еще ничего было: все заказчики искали Говоруна, а увидав меня в его кабинете, — пугались и тихонько прикрывали дверь. Но они скоро освоились. И уже Влад Иванов приходил смотреть на меня скорбными глазами (у него опять пропало 2 минуты из 5 часов); и уже прятался я от Никанорова, у которого опять пропало 3 часа из 3 часов и который бродил между обеими машинами и спрашивал: «Да что

же это такое?», и уже познакомился я с грозой операторов и сменных инженеров Шахбазяном.

— Как же это так получается, дорогой товарищ начальник... — с утра раздавался в трубке голос Казаринова, а при виде портфеля Мороза меня кидало в дрожь.

А задания! Что я пережил, когда первый раз принимал задание! Человек смотрел на меня ясными глазами и говорил, чего он хочет, а я ничего не понимал и даже не помнил, в каком томе Фриша и Тиморевой это можно посмотреть. Пережитое потрясение научило меня жить. Теперь уже, когда приходил физик, я сразу бегло смотрел его бумажки и, не давая ничего сказать, сам говорил ему, чего он хочет. Заказчик с чувством жал мне руку и уходил, а я садился и начинал уже для себя уяснять, чего же он все-таки хотел.

Потом я уехал в отпуск, а в начальники затянули Толю Корнейчука. Вернулся я — его и след простыл: сбежал. Говорят мне:

— А у нас тут все сгорело.

— Как хорошо, — думаю.

Дней десять было, как в раю: тихо и делать нечего. Потом опять началось. Приказ: выделить двух человек в колхоз, одного — в ОРС.

— Братцы, у нас же математики!

— Картошку кушать любите?

— Люблю. Особенно с мясом.

— Ну, и привет. Выполняйте.

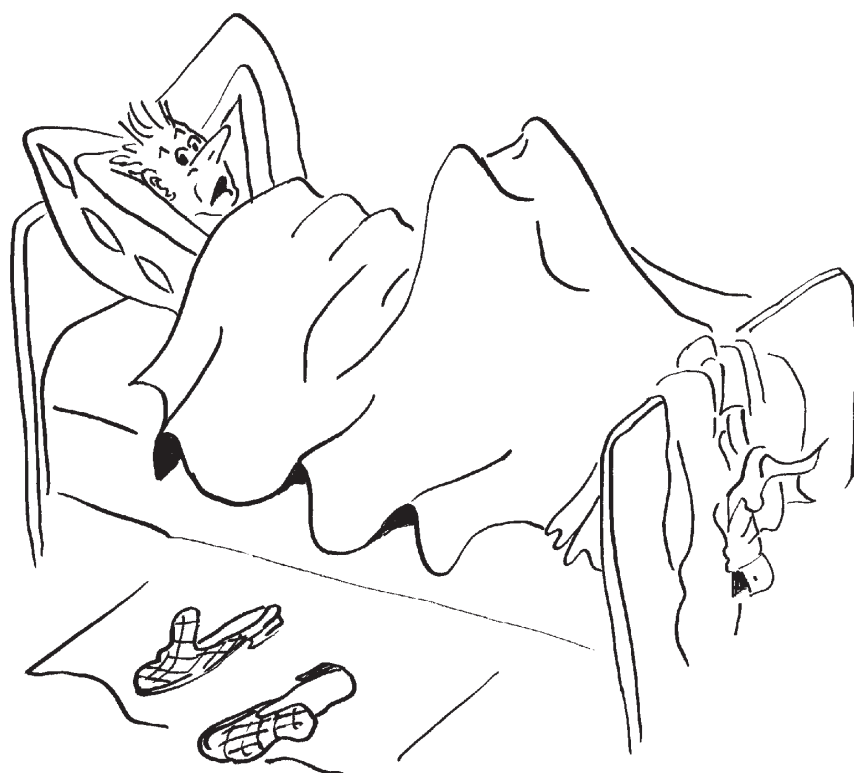
Снова косяком пошел математик и физик, а в 215-й комнате после совещаний пахло, как в курной избе. Снова наладились обычные нормальные отношения с руководящими машинниками, построенные на принципах «А ты кто такой?» и «Ты меня не трожь, я хороший». Начальники машин смотрели исподлобья, В. Федорин одно время даже с женой моей здороваться перестал, а по городу стали ходить уже не знакомые, а заказчики. В. Никитин перестал рассказывать мне про киевское «Динамо», а только ходил и клянчил время, а являясь вечером домой, я натывался на гневный взгляд жены:

— Ты, начальник! Опять мне время ночью дали!

Ел я наспех и недосыта, ходить стал бегом, а уж когда совсем не вмоготу стало — вернулся Н. Н. Говорун. И вот вчера иду спокойно, не спеша по коридору — он навстречу. Идет и за лоб держится. Иду дальше — Никитин:

— Ты знаешь, как киевляне норвежцев ободрали?!

И так у меня на душе легко стало, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

СОВЕРШЕНСТВОВАТЬ ОРГАНИЗАЦИЮ ТРУДА

Когда редколлегия газеты «Импульс» попросила меня написать в рубрику «Совершенствовать организацию труда», я подумал: «До чего же я докатился. Год назад не предложили бы такого. Попросили бы что-нибудь в раздел сатиры и юмора. Неужели люди думают, что если ты начальник, так уж и чувства у тебя все атрофировались, и чувство юмора в том числе, и писать тебе теперь только в «рубрики»?»

Я сам когда-то думал, что все начальники лишены чувства юмора: уж очень у них вид ответственный. Посмотришь на иного и удивишься: неужели он когда-то был маленьким мальчиком? Все-таки, все было проще, когда мы были детьми: есть у тебя спорный вопрос к кому-то, приходишь к нему, дашь ему по носу, он — тебе, и вопрос решен. А сейчас придешь к такому же, но уже взрослому, и не решишь ничего, а только подумаешь: «Дать бы ему по носу...»

Люди выросли, и все стало сложнее. Только наивные люди думают, что все просто.

Вот в той же рубрике, только в прошлом номере «Импульса», старшие операторы писали: «Нет шкафа для магнитных лент в зале СДС. Дело это простое, достаточно было бы Никитину...» и т. д.

Ах, милые девочки, не хотелось бы мне вас пугать, да еще перед 8 марта, но я расскажу вам страшную сказку про шкаф. Я ведь тоже когда-то думал: что такое шкаф? Тьфу. И заказал его Бородину. Это было три месяца назад.

Бородин — хороший человек, он мне недавно в пять минут коловорот заварил, своими руками, по дружбе. Но дружба дружбой, а служба — службой, опять же над Бородиным я уж не знаю сколько начальников... И поди сейчас вспомни, кто снял время для проведения работ в мастерских отделе Ширикова. Я последовательно обошел всех начальников, но сами понимаете, мы ж не дети, и вопрос решался долго...

— Да, — говорил мне каждый начальник (а особенно проникновенно сказал это Михал Григорьич) — надо не говорить о совершенствовании организации труда, а надо ее совершенствовать.

И каждый звонил куда надо, и я поверил. Когда Никитин сказал мне, что шкаф для лент СДС сделали, я подумал: «Не зря мы столько времени потратили».

В тот же день мы встретились в коридоре с Николаем Иванычем Чулковым, и я спросил:

— Ну так что, Николай Иваныч, мы затащим сегодня шкафчик-то в зал?

— Что вы, Владислав Павлович. Вышло три дня назад распоряжение № 14 о приведении зала СДС и БЭСМ-4 в соответствие с исходной расстановкой оборудования. Я уж выво-

жу кое-что, пол там слабый, перекрытия. Вам еще придется забирать оттуда шкаф для лент БЭСМ-4. Пишите бумагу главному инженеру, но вряд ли...

Конечно, вряд ли. Наверняка вряд ли.

И вот тут я понял: если у не очень большого начальника (вроде нас с Николаем Ивановичем) нет чувства юмора — ему не выжить. Он будет писать гневные статьи в рубрику «Совершенствовать организацию труда», начнет пить и кончит в Яхроме. Посмотрел я на Николая Ивановича (а он на меня смотрит, улыбается), подумал: «Он хороший человек — и я хороший человек. И не все еще у нас в жизни потеряно. А может даже и главный инженер — тоже хороший человек, вот только перекрытия у него слабые?» И я не заплакал.

Хорошо, когда и у большого начальника чувство юмора есть. Вот опять же старшие операторы писали: «Много пользователей в машинном зале СДС, часто мешают операторам». Прихожу к Николаю Николаичу Говоруну раз, другой:

— Урежьте списки допускаемых в зал.

— Урежу, — говорит.

Прихожу пятый раз:

— Урежьте, а то М. Г. жаловаться на Вас буду!

Смеется. Есть чувство юмора у человека, а потому и сердиться на него трудно.

Над проблемой нехватки операторов я смеюсь в кабинете Мещерякова уже около года и досмеюсь, наверное, в суде, если временно-принятым, а теперь увольняемым операторам не заплатят денег.

А сколько смеху бывает с отделом снабжения! Это уж мне теперь смешно, а человеку непривычному, если он придет ко мне, я расскажу еще одну страшную историю: как я воровал из стола у Ростовцева его личную клейкую ленту, отчаявшись ждать, пока операторы + склад + Никитин + Кабанов + Турбин найдут липучку, пригодную для склейки перфоленты и наклейки бирок на бобинах. Если эту заметку прочитает Б. П. Федосов, он наверняка скажет: «Начальник. Пошел бы сразу да и взял». Действительно, чего-то я еще не понял: то ли есть закон сохранения (скажем: есть отдел

снабжения — нет липучки, и наоборот: теперь есть липучка, но причем тут отдел снабжения?), то ли есть неисполнение обязанностей.

Демагогия это, конечно, и смешно этого требовать, но я бы сказал так: не надо совершенствовать организацию труда. Просто надо, чтобы каждый занимался своим делом и делал его в полной мере и без трёпа, чтобы не приходилось пятерым заниматься одним ерундовым делом.

Совершенствовать же нужно персональное чувство юмора.

ЧЕТВЕРТЫЙ СОН НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА

Николай Павлович включил кофеварку, достал из холодильника коньяк и приоткрыл дверь своего кабинета. «Может, хоть сегодня зайдет кто?» — подумал он. Рабочий день кончался, и в дальних углах кабинета скапливались сумерки. «Опять не сходил за лимоном», — с раздражением вспомнил Николай Павлович, но тащиться почти километр через все здание ЛВТА в оранжерею не хотелось. «Старею, — подумал он. — Вчера в солярий дорогу не мог найти. Понастроили, чтоб им. По неделе людей не вижу и не слышу». И со щемящей грустью он ясно вспомнил прошлое, когда у ЛВТА было всего одно собственное здание и две пристройки. Сидел он тогда с Андреем Анатольевичем, нынешним начальником отдела автоматов на электронно-лучевых трубках, вдвоем в одной комнате. Были они стреляными воробьями; каждый раз, когда у ЛВТА появлялась очередная новая пристройка, к ним приходил их начальник и корил их: «Уважаемые специалисты. Руководители групп, фактически. Сидите двое. Расселяйтесь. Дам по комнате». «Нет уж, мы уж так уж», — мялись специалисты, а через полгода со злорадством наблюдали, как уплотняли начальников отделов, по наивности пошедших в отдельные кабинеты. Он вспомнил обычный рабочий день. С утра начал звонить телефон. Сосе-

ди давно уже обмотали его молоточки изолентой и научились выжидать, пока в трех других комнатах, сидящих на том же номере, поочередно не поднимут трубку. Охрипшая секретарша опять вызывала специалистов на директорское совещание: еще одна лаборатория отказалась от машины БЭСМ-4, и нужно было придумать, куда ее приткнуть. На единственной дорожке к зданию ЛВТА ворочался бульдозер; дрожа от холода, специалисты сделали крюк и, обойдя ЛЯП и ЛЯР, с ходу ворвались в директорский корпус. Совещание уже шло вовсю, и еще в приемной они услышали напористый голос директора: «Что вы мне говорите — надо, надо?! Вы мне скажите, куда вы конкретно предлагаете ее поставить?!» Стол был накрыт планом производственных помещений ЛВТА, у доски мялся главный инженер, а начальник отдела периферических машин задумчиво гасил сигарету о макет нового здания ЛВТА. «Может, та сторона возьмет?» — заикнулся кто-то. «Ну, товарищи, ну так же нельзя!» — директор явно нервничал, потому что прекрасно знал, что у ЛВТА было всего одно помещение, по размерам подходившее для установки машины: его кабинет. «Давайте решать, товарищи. В конце концов, у нас десять начальников отделов. Я думаю, что ничего страшного не случится, если каждый начальник отдела возьмет к себе в комнату по одному ПУОСу у Владимира Ивановича Мороза, а освободившееся место отдадим под машину».

«Весело жили», — думал Николай Павлович, бродя по пустынному коридору нового здания в ожидании, пока сварится кофе. Он поднялся по эскалатору на десятый этаж, постоял в дверях кафетерия. За столиком в углу одиноко сидел утрюмый Сидисидзе. Человек общительный, он отводил когда-то душу на заседаниях и в редколлегии газеты «Импульс». Давно уже «Импульс» стал одной из центральных газет, победив на нескольких всесоюзных конкурсах, и редакция почти в полном составе обосновалась в Староконюшенном переулке. Сидисидзе остался и долгое время находил выход своей энергии, работая тамадой на многочисленных банкетах, пока не защитились все сотрудники ЛВТА.

«Вот и вывели козу», — вспомнил Николай Павлович старый еврейский анекдот. Он спустился на свой этаж и еще издали услышал резкий продолжительный звонок: работал сигнализатор готовности кофе, сделанный БРИЗом по его просьбе.

Николай Павлович не глядя заткнул отчаянно звеневший будильник. «Вставай, соня! — и жена стянула одеяло на свою сторону. — Ты говорил, что у тебя совещание сегодня в 9». За окном нехотя начинался один из последних дней 1969-го года.

Тринадцать, — прошептал ухо-горло-нос из другого конца кабинета. — Семьдесят четыре...

Это был уже десятый врач за последние два часа, а мне еще надо было идти к зубному и невропатологу.

— Куда проходите комиссию? — спросили меня в регистратуре поликлиники.

— В Швейцарию, — ответил я.

— Везет Вам, — вздохнула знакомая регистраторша. — В седьмой раз едете.

Я покраснел.

В отделе кадров мне сказали, что у них еще осталось шестнадцать моих фотографий с прошлого года, и больше не надо. Характеристику мою где надо утвердили, я по-прежнему оказался морально устойчив.

— Может, ты хоть в этот раз поедешь? А то вон Вовке отец каждый год жвачку привозит. И Алеше тоже, — недовольно сказал мне старший сын.

Держась несколько сзади него, на меня выжидательно смотрели двое младших.

— Чтоб я с тобой вместе еще хоть раз в одну поездку записался... — нервничал Влад Иванов через два месяца, когда стало ясно, что мы никуда не поедem.

Хитрый Шелонцев, сделавший безошибочный выбор напарника и вернувшийся из Тюрингии не только с жвачкой, но даже с парой кактусов, только посмеивался. Да еще и хвастался, как он управлялся с немцами, не знающими русский и английский:

— Он мне говорит, говорит, полчаса говорит, а я ему потом: нихт ферштее. Он опять полчаса говорит, а я ему опять: нихт ферштее.

Дети не разговаривали со мной два дня.

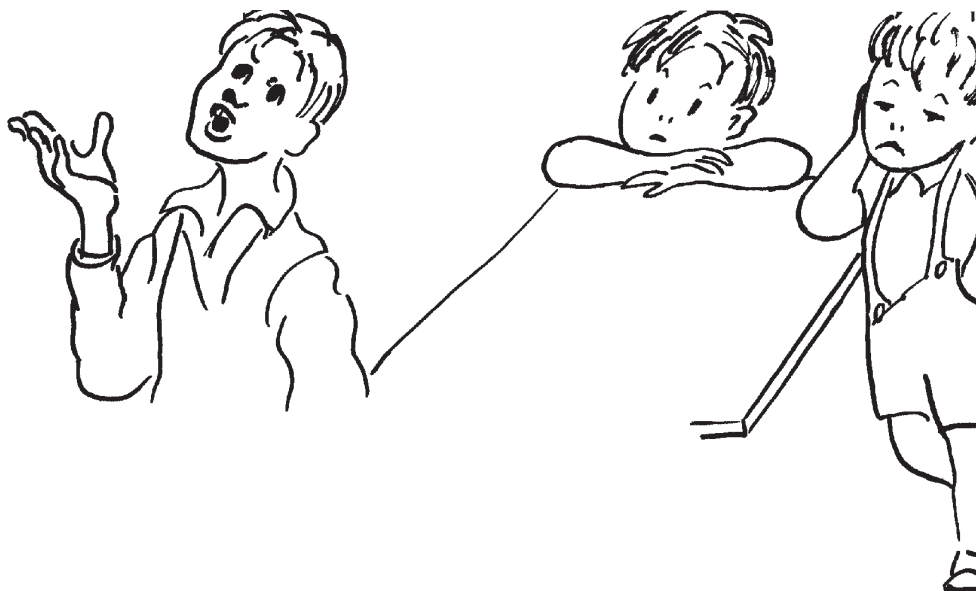
— А правда, Николай Николаевич, может не писаться мне никуда? — спросил я Н. Н. Говоруна при составлении очередных планов. — Одной крови сколько сдал... Без толку ведь.

— Ну почему-у-у! — сделал большие глаза Н. Н.

Приближался Новый год, и нам надо было «закладывать» новые поездки. Мы сотрудничали с семью нормальными странами и парой капиталистических. Эти беспокоили меня больше всего.

— Некого у меня посылать-то, сами видите! — тыкал я пальцем в список. — Вот Заикин один.

— Вот его и пошли.

— Да не занимается он этой темой-то! Сидоров занимается, а он, сами знаете...

— А вот с Семеновым его и пошли.

— Ладно, а сюда кого?

— Сюда хуже. Придется из других отделов искать. Вот Петрова попросим.

— Да он сроду этой тематикой не занимался и не хочет, что же проку-то будет? Да и не захочет он срамиться...

Позвонили Петрову.

— Хи-хи! — веселился Петров. — Вы что, серьезно это?

К счастью, и Семенов, и Петров согласились.

— Жвачки-то хоть привезете? — вел я с ними переговоры при отъезде. — Ничего мне больше от вас не надо.

— Если позволят средства, — уклончиво сказали оба.

«Все пропало», — понял я. А тут еще пришел ко мне горячий человек Гусев и заявил, что перестанет меня уважать, если я потом не заставлю Петрова заниматься тем, ради чего его послали.

И вот я теперь думаю: как же жить дальше? Гусев меня уважать не будет, дети меня уважать не будут...

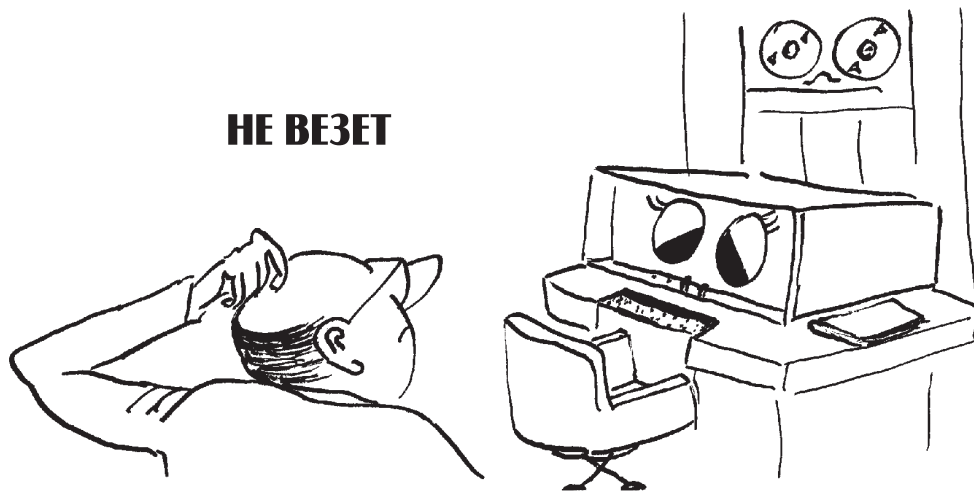
Братцы, нет ли желающих поехать за границу? Если вы меня еще уважаете, конечно.

В. Шириков

Примечание автора. Все имена, отчества и фамилии, встречающиеся в этой заметке, фиктивные. Подпись тоже.

НЕ ВЕЗЕТ

Вы помните, как в Черноморске, в организации «Геркулес» была одна несчастливая комната? Кто бы туда ни сел, с ним обязательно стряслось какое-нибудь несчастье. Одно-го с работы сняли, другого (еще хуже) — под суд, как он ни доказывал, что из растраченных им 4280 руб. 03 коп. на самом деле 03 коп. были израсходованы на общественные нужды. Не везло с этой комнатой, и все тут.

Вот нам теперь так с СДС-6200 не везет. Запустили в конце года, радовались, проходную будку стали для пользователей проектировать, вдруг бах — сгорел экран, все темно, ничего не видно. Пять телексов в Вену, в Америку, пять обратно, выслали они запасную деталь — потерялась она в Шереметьеве. Неделю искали, наконец нашли — оказалась не от того вовсе и деталь. Еще пять телексов туда, пять обратно. Наконец, все есть, все светится, но в это время морозы — бах, питание — трах, на машине даже сирена взвять не успела. Все сгорело, все полопалось. Стали запаивать чего-то в системе охлаждения, а там как старые штаны зашивать: одну дырку заделал, на улицу пошел, а у тебя на самых интересных местах еще дырки обнаруживаются. Срамота. Ну заделали, заработала машина, любо-дорого, Валю из группы Цыганова опять круглые сутки от двери в машинный зал не

оттащишь, некто из ЛТФ (фамилию забыл) исправно свои 500 000 строк в неделю печатает; начальство приходит — кто поважнее — тому игру в шахматы показываем, кто попроще — посадку лунника... Начальство на какую-нибудь кнопку надавит, ему приятно и нам приятно. Сам Боголюбов Руку Жал. А потом опять питание — трах, фильтры какие-то — к свиньям собачьим, и из нее масло вытекло. 80 литров, даже неясно, где в такой маленькой машине столько масла помещалось. Пять телексов в Америку, пять телексов обратно, а тут: то экономическая учеба для руководящего состава, то Пасха (кто же из американцев поедет...), то первомайские праздники. Идешь по улице, тебя обязательно кто-нибудь зацепит: «Что с маслом?» «А что с маслом?! А-а, с маслом...». А он, гад, смотрит и ехидно так улыбается. Раз пять представители фирмы приезжали, икру в ресторане ели, «how do you do» говорили. Американец наш местный, математик, из Брюсселя вызванный, весь извелся, вместе с Валой таблетки от головной боли пил, на Венский филиал фирмы страшно ругался, мы даже слов таких не слыхали. Старший математик Шелонцев высказывался редко, но его выводы были крайние: «Дубна лучше Брюсселя, Волга длиннее Миссисипи, а БЭСМ-6 лучше СДС-6200». Американца всего так и перекашивало. А нам-то легче? Виноваты, не виноваты, а престиж-то — с ним как? Серпуховчане, правда, прошедшие огонь и воду со своими ICL-машинами, успокаивают: «Уж как нам не везло...» Послушаешь такие речи — вроде от сердца

отлегнет; только успокойшься — тебя на директорское совещание и смотри в пол вместе с инженерами. А ведь что ни говори, какая машина-то хорошая, когда работает... И все тогда вокруг хорошие, все руку жмут... Как говорится, все тогда друзья, все блондины... Только за десять дней, со 2-го до 12-го апреля, ЛВЭ 235 задач пропустило, ЛЯП — 206, ЛНФ — 106, ЛТФ — 345, родная ЛВТА — 735, ОНМУ — 55, ОРБ — 33; какие-то жулики, пользуясь добрым именем ЛЯРа, — 21 задачу... И год вроде невисокосный, а вот не везет — и все тут.

Когда я кончил писать эту заметку, прибежал Шелонцев и сказал, что машина опять заработала. Ой, не сглазить бы...

КАК Я ОСТАЛСЯ НА ВТОРОЙ ГОД

Владислав Павлович! — сумрачным голосом сказала в трубку обычно ласковая Марья Николавна. — Вот до вас не дозвонишься, а ведь завтра уже третий раз экономическая учеба руководящего состава, в Доме культуры!

— Чего?!

— Вы приказ подписывали?

«Опять чего-то не то подписал... — загрустил я. — Смотреть же надо, сколько раз зарекался... Дёрнуло меня трубку снять...»

В фойе Дома культуры было не продохнуть, до того накурено. Столько мужчин сразу я сроду не видывал, разве что на параде по телевизору. После третьего звонка я кое-как приткнулся на приставном стуле. На сцену вышел старичок и чего-то сказал, но я не расслышал, и тогда вышла на трибуну симпатичная такая женщина, и все притихли.

— Товарищи пропагандисты! — начала женщина.

«Вот, черт, похоже, не туда попал. Спутала, наверно, Маша Николавна...» — и я стал выдираться наружу, но тут кто-то закричал:

— Руководящий состав мы!

— Ну все равно... — скраснела женщина.

Опять вышел старичок, на крикуна все зашикали, и он затих: оказался тоже новенький, первый раз явился. Я сел обратно, стал дальше слушать, но материал оказался трудный, хотя женщина и записывала на доске самые непонятные слова. Я, правда, вспомнил, что мы это на первом курсе вроде проходили и у меня было даже «пять».

— ...поэтому подход должен быть исторический, а метод — диалектический! — сказала женщина, написала на доске «исторический», а пониже — «диалектический», и даже подчеркнула, но всё равно было трудно, и другим тоже: я видел, как у знакомого бухгалтера даже кожа на голове натянулась, от напряжения.

До конца дня я кое-как промаялся, думал — все, но женщина на прощанье сказала, что в следующие два дня занятия мы еще поговорим об историческом подходе. Я тогда следующие два занятия пропустил и пришел сразу на третье, в Дом ученых, но немного опоздал: в зале стояла такая напряженная тишина, у доски криво улыбался лектор, а ему в глаза смотрел Ростислав Михайлович Лебедев из ЛВЭ и злым голосом говорил:

— Я очень люблю яблочный джем в банках, но его очень трудно достать. А тут вчера гляжу — дают. Покупаю банку, а на ней штамп — 1971 год. Где была банка до 1973 года?!

Все заговорили разом. Я лично джема не люблю, поэтому в перерыве взял свой портфельчик и сделал вид, что гуляю

по фойе и смотрю картинки, а потом смылся. Но, по-моему, кадровики меня все же успели засечь.

Поэтому я на следующее занятие явился аккуратно, однако с утра говорили все еще про джем, а после обеда — про вклады в сберкассе. Я понял, что это надолго, а вкладов у меня еще не было, и я снова пару раз не ходил. И тут являюсь, гляжу, все записывают.

— Одним из самых успешных считается метод слопинга, или метод «мозгового удара»... — толкует лектор.

— Про чего это? — шепотом попытал я Николая Ивановича Чулкова.

— Вы для БЭСМ-6 сколько времени придумывали, как что делать? А слопинг — это как все за день можно. Для чего угодно.

Мы все аккуратноенько записали, а в конце лектор сказал, что слопинг этот Пирсон и Джексон выдумали. Мы как про Пирсона услышали — забеспокоились:

— А нам-то рекомендуется пользоваться?

Тут лектор замялся, стал про капитализм объяснять. Николай Иванович от злости, что зря записывал, даже плюнул. Вдобавок лектор заторопился на поезд и про наши методы не успел. Я тогда опять два раза не ходил.

А тут как громом — зачеты. И реферат писать. Причем когда писать, то разрешалось присоединяться, в соавторы. Ну, большинство-то опытные оказались, и все как-то друг к другу поприсоединялись, а мне досталось писать — как можно было бы научно управлять Объединенным институтом, с помощью АСУ, и никто ко мне присоединиться не захотел. Сунулся я было к Рете Тентюковой за консультациями, но у них вся группа на каких-то складских занятиях сидела.

Ну, я таки нашел одну статью и честно ее передул, так что меня даже публично упросили выступить, и я думал, что дальше тоже будет хорошо, пока не роздали списки вопросов к зачетам. Там на каждый зачет было по 83 вопроса. Я чуть не сел уже на уголовном законодательстве, когда рассказывал про детские комнаты милиции.

Добил меня второй зачет. Там все вопросы были про философию, да с первоисточниками, а последнего Канта из библиотеки Поляков забрал.

Правда, на зачете нам пообещали, что если кто выступать будет, а другой дополнит, то обоим зачет. Все прямо повеселели, я тоже. Стал ждать, кого бы дополнить, но народ оказался нахальный, слова не вставишь. Вот уж смотрю, только мы с Володией Поляковым и Николай Ивановичем остались, и Володя про чего-то выступает и говорит:

— «...должно быть не только количественным...»

Я прямо задрожал весь. Ну, думаю, сейчас дополню.

— Но и качественным! — выкрикнул Николай Иванович, а я не успел.

Я после этого огорчения просто заболел и попал только на выпускной вечер. Там этот старичок выступал, который тогда на лекции сидел, он из главных организаторов оказался.

— Меньшинство из вас считает, что это была пустая трата времени... — начал он.

Тут все как захлопают. Им чего, им уже дипломы дали.

— ...но большинство должно будет признать полезность! — твердо закончил старичок.

А вчера у нас опять все сначала началось. Влад Иванов, правда, сказал, что он вместе со всякими второгодниками учиться не хочет. Он-то сам по первому заходу пошел. Но ничего, я ему это припомню, как до джема дело дойдет. Я ведь знаю, он его тоже не ест.

НОВАЯ СИСТЕМА В ДЕЙСТВИИ

Можно проходить, товарищи начальники! — сказала Марья Николаевна, когда все выкурили по второй сигарете. Первым, как всегда, в кабинет заторопился В. П. Шириков, хотя все уже давно привыкли не занимать его уютное кресло.

— Так, — сказал директор. — Николай Иванович здесь, Иван Филиппович здесь. Сергей Александрович у Карповского... А где Владимир Иванович? Ведь без него же нельзя начинать! Где Мороз, Мария Николаевна?! Ищите Мороза!

В. П. Шириков вытянул ноги под моделью нового корпуса ЛВТА и прикрылся ладошкой. Директор в раздумьи походил по комнате и встал у окна.

— Вы чувствуете, что уже весной пахнет, товарищи?!

Тайком куривший Сусов начал застенчиво разгонять дым.

— 8 марта скоро, между прочим, товарищи... Садитесь, Владимир Иванович, садитесь!! Вот Александр Дмитрич имеет вам всем сообщить нечто. Прошу Вас!

— Я хотел предупредить всех начальников отделов, что в связи с новой системой чтобы они не рассчитывали на выдачу премиальных денег к 8 марта...

— Вот те раз! — ахнул Сусов. — Вот это год женщин!

Директор отсутствующим взглядом смотрел в окно. В. П. Шириков пытался прикинуть в уме остатки договорных денег и поделить их на 70.

— Я должен заявить, Михаил Григорьевич, что инженеров вообще зажимают. У меня очень трудно с производственными площадями, у меня буквально один старший инженер на другом сидит!

— Ну причем тут опять площади, Николай Иванович, ну всем же трудно!!

— Я предлагаю все это зафиксировать в протоколе нашего совещания, — твердо сказал А. А. Карлов.

— Что — это, Александр Андреевич, что?!

— А вот что не дают. Денег.

— Ну и что? Что это Вам даст?!

— А я все-таки прошу зафиксировать.

...Дирекция испытывала затруднения, и поэтому В. И. Мороз улыбался одной из самых своих ехидных улыбок. В. Иванов смотрел на всех счастливыми глазами: чувствовалось, что дележка денег в ОМОЭДе дело простое. Укомплектованный почти сплошь мужиками И. Ф. Фурсов равнодушно поглядывал на директора, остальные молча завидовали Говоруну, который до 8 марта из командировок возвращаться не собирался. Надо было идти в отделы, а не хотелось. На Щелева посмотрели с надеждой, но по тому, как он молча и горбясь пробирался к столу, все поняли, что хороших новостей он тоже не принес. На душе у всех стало совсем тяжело, стали припоминаться разные старые обиды и ущемления, и уже было встал кто-то и, нагнув голову и глядя исподлобья, начал: «И вообще...»

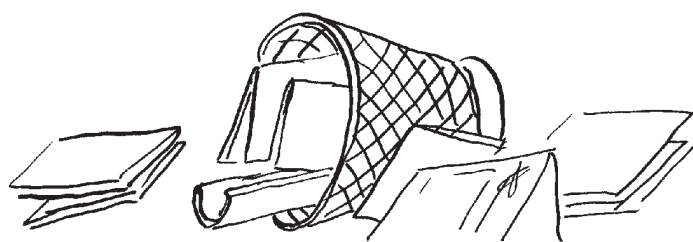
— Вы знаете, — укоризненно сказал директор. — Вот нас тут человек тридцать и сидим мы уже давно, часа два или даже три (все с удивлением посмотрели на часы, а не успевший остыть от площадей Николай Иванович покрутил головой), воздух тут стал тяжелый, а в 16 часов актив, и я думаю, пора кончать!

... Это был старый проверенный прием, и напряжение сразу упало. Когда расходились, на Марью Николавну старались не смотреть.

— А ведь восьмое-то марта — в субботу, братцы! — вспомнил кто-то, и всем малость полегчало. Но, наверное, все-таки не совсем. Тут как-то одна командировочная спрашивает (уже после совещания дело было): «Что это у вас все начальство потупясь ходит?» — «Да дела, — говорю, — все, заботы», и сам не стерпел: потупился. Уж эти мне прекрасные дамы, одна нервотрепка с ними. Теперь либо новую систему отменяй, либо 8 марта на 8 апреля переноси: деньги-то только в конце первого квартала давать будут.

СЛАВЯНСКИЙ БАЗАР

Сразу после открытия последнего славянского базара в вестибюле ЛТФ, когда было выложено рекордное число сообщений и препринтов и затруднен проход через вестибюль, а кроме того, была свалка и помяли двух сотрудников ОНМУ, меня попросили высказаться, что я думаю по этому поводу и какие в этом деле ожидаются перспективы.

Ну, свалка-то случилась по ошибке из-за того, что проходила чья-то делегация, не из ОИЯИ, подумали, что тут что-то ценное и кинулись, а сотрудники ОНМУ там оказались чисто случайно, шли из буфета. Я сама видела, как один все рвался и кричал: «Дайте! Ну дайте поглядеть!» А сам, когда протиснулся и нахапал кучу изданий, потом же все и бросил, да еще и ругался. Обычно же сами авторы тихо и мирно забирают свои сообщения, стараясь делать это незаметно.

Бывают, конечно, и тут злоупотребления. На последних лыжных соревнованиях вся трасса от первых до вторых холмов была размечена листиками из препринтов Барашенкова, а от вторых до третьих — Зайцевой из ЛЯПа. Ну зачем же так-то, товарищи? Хорошо, что школьники потом все собрали на макулатуру, а то бы так все и сгнило. А ведь сколько древесины идет на наши издания — это жуткое дело. На одни препринты Маханькова ушло около двух гектаров, а ЛВТА

в целом свела лесу размером с Клетинский бор. Не говоря о теоретиках. Эти вообще.

Но этот базар меня лично все-таки беспокоит. Все пишут — как с цепи посрывались. Вы меня спросите: а что делать? Точно не знаю. Тут какие-то шутники предлагали печатать часть препринтов на рулонной бумаге, с надсечкой: мол, так это пойдет быстрее в дело. Есть, однако, с этой надсечкой проблема. В свое время какие-то конструкторы сделали самолеты, и у них у всех при испытаниях отрывалось крыло прямо по ровненькой линии, наискосок. Когда уж все отпробовали, кто-то подсказал спросить совета у одного старичка, никакого отношения к самолетам не имевшего, и он надумил проделывать дырочки прямо по этой самой воображаемой линии. И самолеты стали летать как миленькие. Стали пытаться старичка: почему так? «А я, — говорит, — в самолетах-то не разбираюсь, но давно заметил, что туалетная бумага, к примеру, сроду по надсечке не отрывалась, хоть как старайся».

Недавно в порядке эксперимента мы передали часть наших выпусков в магазин «Россиянин», когда у них были перебои с целлофаном. Однако опыт показал, что при завертывании в них колбасные изделия плесневеют, а сыр начинает вонять. Более того, молоко в бутылках в соседнем отделе почему-то скисало, хотя ни препринты, ни сообщения ОИЯИ в этот отдел не распределялись. Были также случаи вышибания пробок у рижского пива; на жигулевском же пиве не сказывалось даже соседство препринтов по $\pi^- \pi^+$ -рассеянию и методу Ньютона. Когда же в хлебном магазине рядом начала отваливаться штукатурка, мы этот эксперимент прекратили.

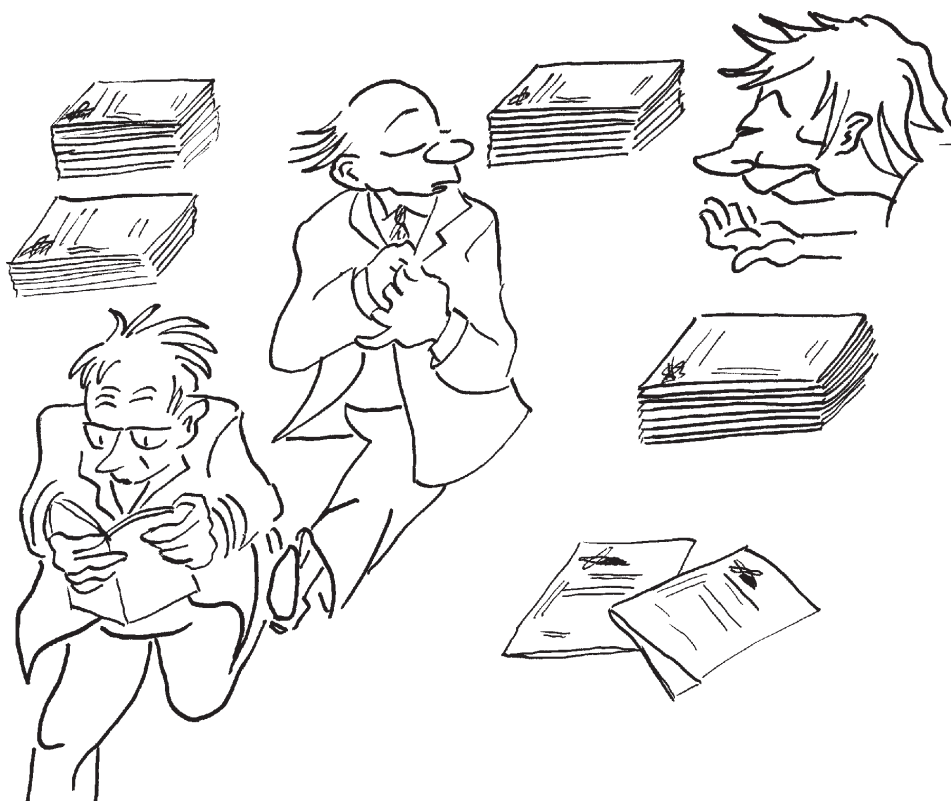
В марте месяце, как раз перед женским днем, нам удалось через «Галантерею» сбыть часть препринтов как нагрузку к духам и лифчикам, поскольку тогда мужчины скупали все, не глядя на размер. Может быть, все-таки торговая сеть — это для нас выход, если еще и дать хорошую рекламу:

когда был ажиотаж вокруг ФОРТРАНа, я сама видела, как один мужик нес в сетке руководство под ред. Ширикова прямо вместе с картошкой.

Сейчас по предложению Научно-технического отдела и в связи с намечающимся в ЛВТА информационным взрывом из-за АСУ мы их препринты будем печатать попеременно с детективами, в общих обложках. Автор детектива будет включаться в список соавторов, что при обычном у них списке в 15–20 соавторов уж все равно. Печатать будем с продолжениями.

Это только первое предложение отдела НТО, но они обещали еще чего-нибудь выдумать. А нам этим просто некогда больше заниматься, ей-богу. Замучили вы нас. Особенно теоретики. Эти вообще.

Нач. издательского отдела В. Р. Саранцева

ГДЕ Я ?

Тут в прошлую пятницу копал я картошку, и девки мои, из отдела. Не все, конечно, троих я за бутылкой услал (у самого Талдома дело было). Подходит один в шляпе, из местных, уставился и лыбится.

— Чего тебе?! — спрашиваю.

— А правда, — говорит, — у вас тут даже член-корреспондент имеется?

Это про Говоруна, значит, тот как раз в соседней борозде был.

— А тебе-то чего? — спрашиваю.

— Да так, — говорит. — Интересуюсь. За что это вас сюда?

— Иди, — говорю, — отсюда, интеллигент. Пасть порву.

Ну и по матушке, конечно. Про пасть это я еще из кино одного помнил, там блатной один все так говорил. Только название забыл, давно дело было, я уж в кино когда был, а то все вкалывать приходится, и все физически. Год такой хреновый, а и следующий, небось, не лучше будет, потому что високосный. Это тут математик один протрепался, будто потому что на четыре делится. Может, врет. Молодой еще. Ничего, пару месяцев кирпичи поразгружает — фиг он чего на четыре поделит. Вообще с этой молодежью нынешней...

Тут одного я на стройку загнал, по разнарядке, все чин-чин-ном. Через две недели прямиком ко мне заявился, мы как раз в ОРСе свеклу перебирали.

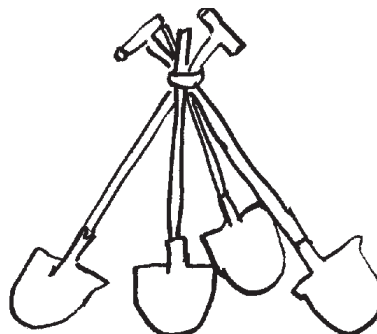
— Нечего, — говорит, — там делать. Пять минут поработаем — час сидим.

— Деньги, — говорю, — тебе там плотят?

— Да что мы там заработать-то сможем? Мы ж сдельно!

— Зарплату тебе основную плотят?

Молчит. А что ему сказать-то, я ж знаю, он 130 огребаёт в месяц, я ж ему сам зарплату-то назначал. Да ещё засекли его, что со стройки бежит, программы какие-то пишет. А ведь ясная ему программа была записана: отработаешь на стройке три месяца, а там поглядим. Будто делов других нет. Вон на АСУ, говорят, посылать всех будут. Я чего-то, правда, не помню, что это за АСУ, а нам пока не сказали, но в сапогах, наверное, являться надо. Докторскую когда писал — вроде знал чего-то про это дело, да ведь это когда было, мы ещё тогда в институте работали. Сейчас, конечно, странно вспомнить: здоровые ребята, таким былбам только мешки и таскать, а они какие-то карточки пробивали. Сейчас это дело выправили, наверху тоже не дураки сидят. Больше не попробивают, сейчас с этим делом строго. Трудности, конечно, имеются, потому как ловчить люди начали. Тут из машинников один (фамилию забыл, ещё как у этого, который в «Самогонщиках» играл) чего учудил. Его в отпуск пустили, сказали: вернешься — на сено пойдешь. А его месяц нету, другой нету, табельщица вся избегалась, сено гниет, а он как в Усть-Илим на заработки укатил, так и все.

— А чего, — говорит. — Я там больше заработаю. Да ещё с учетом северных.

Учат их, учат, и экономически, и по-всякому, и научили на свою голову. Иной тоже фордыбачить начнет:

— Я, — говорит, — университет кончал!

— Ты мне справку, — говорю, — покажи, что ты нетрудоспособный, а чего ты мне университетом тычешь, я его сам кончал, чего там, инвалиды что ли все?!

Бывает, отвлекают, конечно. Я один раз только из душа вылез (силос мы тогда закладывали) — повестка. На семинар по какому-то матобеспечению (извините, но там так и было написано). Съездил, посидел. Раньше-то понимал, а тут ничего не понял. Все про какую-то автоматизацию говорили каких-то там исследований. Ручной бы труд автоматизировали, а то сколько той же картошки пропадает при ручной-то уборке — ужас. Смотришь на иного такого старшего научного, а он крупную-то в ведро кладет, а мелкую ему и не разглядеть.

А так вообще-то в институте жизнь намного здоровее стала. Раньше, помню, думать все чего-то надо было, голова иной раз побаливала, спишь кое-как... А сейчас наломаешься за день-то физически, ну и спишь, как бревно.

Редко-редко бывает, правда, приснится чего-то странное из старого — и не поймешь сразу. Какая-то машина с телевизорами и на ней не по-нашему написано. Какие-то девушки ходят и почему-то без сапог. А то вообще что-то голубое. Проснешься эдак в холодном поту и думаешь: где я?

СТРАШНАЯ ПРЕДНОВОГОДНЯЯ СКАЗКА
СО МНОГИМИ ТЕХНИЧЕСКИМИ ПОДРОБНОСТЯМИ
И СЧАСТЛИВЫМ КОНЦОМ

Жанне грех было жаловаться на жизнь. Она была молода, красива, работала не в ЛВТА, а в ЛЯПе, и имела начальника, который был убежден, что для серьезной работы у него хватает и мужчин.

В тот день весь женский состав площадки волновался с самого утра: после двух должны были давать сапоги. Начальник был не в курсе, поэтому он вызвал Жанну и сказал:

— Ленточка тут вот, с БЭСМа-4, и программка. Вы ее, это, в ЛВТА, на БЭСМе-6... К вечеру пропустите?

Жанна прикинула, что за сапогами она еще успеет, потому как дела было, учитывая знакомства среди оператриц, на полчаса.

Пропустили ее сходу, за счет времени Иванова, но бумаги выдали что-то подозрительно мало, два листочка. На первом было большими буквами напечатано Жаннино имя, а на втором только одна строчка: You want to read too more. И чисел никаких не было. Жанна показала все это оператрицам, те сказали, что машина вообще барахлит третий день, и пропус-

тили еще раз за счет времени Иванова. Позвали какого-то местного, тот поглядел и сказал:

— Это Г-вские штучки. Его программа-то.

Кто-то сказал, что Г-в сейчас как раз на занятиях английского языка у Щ-ва, и Жанна побежала туда, твердо решив добить это дело до двух часов. Г-в вышел только к часу, посмотрел на «You want to read too more» и скраснел: фразу эту когда-то придумал З-н, считавшийся в английском корифеем; Г-в его тогда за нее очень принародно критиковал, но про себя завидовал и тайком вставил к себе в программу.

— Не столько пишете, сколько читаете, — туманно объяснил Г-в и показал как надо.

Был уже третий час, когда Жанну пропустили еще раз (за счет времени Иванова). На этот раз было напечатано поллисточка по-русски и по-английски и еще два числа. Жанна их как увидала — обрадовалась, все ж хоть чего-то выдалось, и пошла к Г-ву, но Г-в сказал:

— Числа означают ошибки. Или лента плохая, или магнитофон плохой, или плотность не та. К инженерам идите.

Инженер Ф. посмотрел на Жанну сверху вниз и заявил:

— Магнитофоны у нас всегда работают, а вот программа Г-вская — плохая. Вот я сейчас эту ленту вашу по-простому прочитаю, по рабоче-крестьянски, без всяких там мониторов и Г-вых.

И почти все прочитал и даже напечатал, после чего разговаривать больше не стал, а пошел домой.

— Нули надо бы в массивчик тут вот записать, в программе-то, — мялся Г-в на следующий день.

«Отговорки ищет», — решила Жанна, но на машину все-таки пошла. У Иванова еще было время, и ее пропустили, но после этого машина перестала считать вообще.

— Чтоб я эту задачу больше не видел! — разнервничался Ф. Он вообще сгоряча мог заявить, что сложные задачи надо гнать в шею, раз они ломают машину.

Дверь у Г-ва была заперта.

— Открывай! — крикнула Жанна.

— Не открою! — твердо ответил Г-в. — Пропустите еще раз.

Жанна подсунула свою программу под дверь, кинула бобину и ушла. Выждав с полчаса, Г-в пробрался на машину, но все время у Иванова уже кончилось. Сунулся он к системщикам, но и у тех в связи с асунизацией почти все отобрали.

— Как инженер инженеру... Пять минут! — глядя в глаза Ф., в отчаянии взмолился он.

— Иди ты знаешь куда? — предложил Ф.

— А почему? — спросил Г-в.

Ф. был грубый мужчина, но даже он всегда пасовал перед этим излюбленным Г-вским вопросом, поэтому разговаривать больше не стал, а пошел домой.

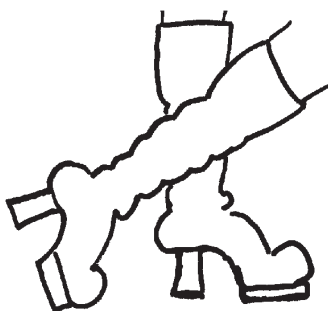
Выхода не было. Два дня, пока Иванову не дали время, Г-в ходил сам не свой, а на третий выяснилось, что перед тем, как Г-в канючил время у Ф., кто-то записал на Жаннину ленту в десяти местах метку «Гришка», а остальное стер; машина же, когда ее чистую ленту читать заставляли, ломалась.

— Ошибочка есть в машине-то... — робко доложил Г-в, держась метрах в трех от Ф.

— Ну смотри, Г-в,... — пригрозил Ф. — Починить починю, но чтоб это было в последний раз.

Счастливым Г-в кинулся в ЛЯП. Сапоги себе Жанна все-таки купила. У одной знакомой: той они оказались малы.

Очевидец

Разъяснение

Уже давно редколлегия старается не допускать, чтобы в заметках, публикуемых в газете «Импульс», не упоминались фамилии и имена (кроме Иванова), поскольку уже были случаи и последствия. Но, как видно, в этом деле все время случаются какие-нибудь промахи. Так, перед публикацией «Страшной предновогодней сказки» редакция специально предупреждала ее автора и понадеялась, что в описанной в его заметке пользовательнице, которая там вообще сбоку припека, никто не опознает реально существующую сотрудницу ОИЯИ. Автор дал клятвенное заверение, что Жанна — это такое редкое имя, что никакого накола не будет, и что вообще единственная Жанна, которую он может вспомнить, это Жанна Д'Арк. Тем не менее читатели газеты «Импульс» уже нашли в институте живую Жанну (пока одну) и стали к ней приставать, а она, естественно, к нам с вопросом «За что?!».

Мы официально приносим свои извинения данной Жанне и любой другой, если таковая обнаружится, поскольку они ни при чем, а во всем виноваты Г-в и Ф. Читателей же газеты просим прекратить травлю ни в чем не повинных Жанн. Автору («Очевидцу») мы уже понаставили на вид и больше от него никаких заметок брать не будем.

Редколлегия

ИНСТРУКЦИЯ ПО ИСПОЛЬЗОВАНИЮ МУЖА В ДОМАШНЕМ ХОЗЯЙСТВЕ

В настоящее время развитие эмансипации женщин в нашей стране зашло настолько далеко, что использование мужей в домашней работе стало делом безопасным, с которым справляется любая замужняя женщина. Тем не менее существует ряд правил, которых должна придерживаться любая здравомыслящая жена, которая не хочет подвергнуть себя риску стать соломенной вдовой.

1. Прежде всего помните, что ваш муж — тоже человек, поэтому, планируя для него работу, не лишайте его тех основных удовольствий, к которым он привык и считает их своим неотъемлемым правом: бритье, чтение газет, ванная или душ. Создайте ему иллюзию свободы, позволяя оставлять носки на полу и пиджак на спинке стула. Не отнимайте у мужа этих маленьких радостей.

2. Легче всего удастся использовать мужа на таких работах, где, без сомнения, требуется его мужская сила: например, вынести ведро с мусором. Начинайте ему напоминать об этом минут за пять до приезда мусоровоза, иначе он может схитрить и пропустить время стоянки последнего.

3. Посылая мужа за хлебом в магазин, лучше сказать ему — сдачу можешь оставить себе. Это ему очень понравит-

ся. Когда эти деньги вам понадобятся, всегда можно найти способ их выманить.

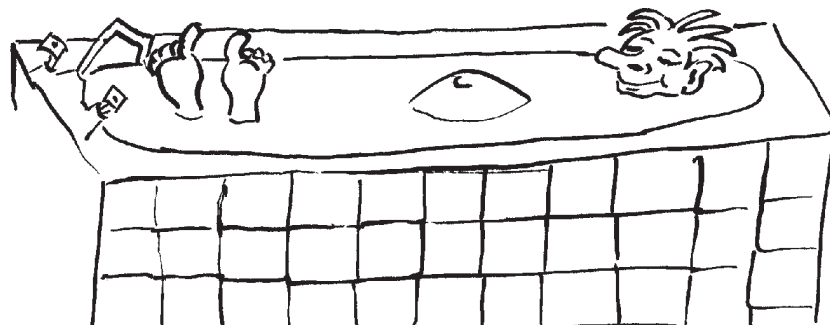
4. Если вам нужно заставить мужа погладить белье, выберите момент, когда он кончил читать газету после ужина и только что отложил ее. В это время у него очень мирное настроение и он еще не придумал, чем ему теперь заняться. Гладильную доску поставьте около приемника и включите его. Если белья много, муж обычно начинает нервничать к концу работы. Ни в коем случае не целуйте его, когда он выгладит последний пододеяльник. Он может придти от этого в ярость. Лучше отвлеките его разговором.

5. Если вам нужно заставить мужа вымыть посуду или постирать белье, не приказывайте ему в категорической форме: он может затаить злобу. Лучше скажите ему: «Милый, посмотри, как у меня портятся руки от горячей воды...»

6. За редкими исключениями, наиболее нелюбимой работой у мужей является мытье полов. Когда муж моет пол — ни в коем случае не сидите с книжкой на диване, это его ужасно раздражает. Делайте вид, что и вы заняты полезным делом. Например, вытирайте мебель тряпочкой. Можете иногда сказать, что вы больны, но не злоупотребляйте этим приемом, иначе муж может в вас разочароваться.

7. После одной сделанной работы не давайте сразу другую, дайте мужу успокоиться.

8. Любой муж утверждает, что он глава семьи и контролирует все расходы по хозяйству. Не разубеждайте его. Если вам нужно сделать крупную покупку — сделайте ее и потом

между делом поставьте мужа в известность, только не тогда, когда он бреется или моет вашу любимую чашку.

9. Хотя раз в месяц дайте мужу свободу и возможность почувствовать себя холостяком. Не спрашивайте его, где он был и что делал. Он сам все расскажет.

Соблюдение этих простых правил не доставит вам никаких хлопот, но сбережет много нервов.

ЖЕНШИНЕ, ВЫБИРАЮЩЕЙ СЕБЕ МУЖА

Прежде всего, откажитесь от мысли, что высокий брюнет — это единственный подходящий Вам вариант. Во-первых, их мало, Вам может не хватить, а во-вторых высокий брюнет мало чем отличается от невысокого блондина. Опытные женщины, не раз побывавшие замужем, справедливо утверждают, что все мужчины одинаковы.

Допустим, что Вы приглядели себе подходящего мужчину. Для выработки правильной дальнейшей тактики Вы должны четко представлять, что такое мужчина вообще и в чем его слабые стороны.

Это существо, совершенно непохожее на Вас. Любая женщина пяти лет отроду уже рассудительна, практична и хитра, как взрослая — будто ей все 35. Годы только шлифуют в ней эти качества. Что же такое мужчина? В 5 лет это совсем глупое дите, обожающее охоту, рыбалку, игру в войну и в предводителя разбойников. Годы мало что меняют в нем, хотя у него и появляется хриплый голос, плешь и брюки 58-го размера. Заметили, что среди охотников, рыбаков, военных и руководства, филателистов и т. д. практически не попадается женщин? В серьезных житейских делах, в том числе в деле создания семьи, мужчина беспомощен и глуп, и здесь Вы должны взять всю инициативу на себя.

Как всякий ребенок, мужчина очень любит сказки. Нет ничего проще, чем заставить его влюбиться в Вас: один-два задумчивых взгляда с последующим опусканием ресниц, немного помады и одеколona (на хорошие духи можно не тратить) — и вот Вы уже сказочная фея, мир для него полон чудес, и он совсем не замечает Ваших изъянов. Держите мужчину в таком состоянии по крайней мере до свадьбы. Ни в коем случае не показывайтесь ему непричесанной или в бигуди, не рассказывайте при нем неприличных анекдотов и не чавкайте во время еды. Помните: стоит Вам один раз чавкнуть — и все, привет, он уже задумался. Вообще старайтесь показать себя мужчине полной его противоположностью: он наверняка не знает, кто такой Камю, поэтому при разговорах упомяните это имя; не хохочите, сопровождая это наклонами, приседаниями и битьем ладошками по коленям. Следите за своей походкой, ступайте легко: помните, что в воображении мужчины Вы весите не более 30 кг. При встречах не хлопайте мужчину по плечу или спине. Он может заметить, что у Вас тяжелая рука. Вообще старайтесь казаться ему слабой, незащищенной и немного наивной: мужчина не должен понять, что Вы умнее его. Однако полной душой выставлять себя тоже опасно. Не идите во всем навстречу его желаниям: легкое пожатие руки, в крайнем случае мимолетный поцелуй, будут держать его в обалделом состоянии неделю-другую, затем все следует повторить.

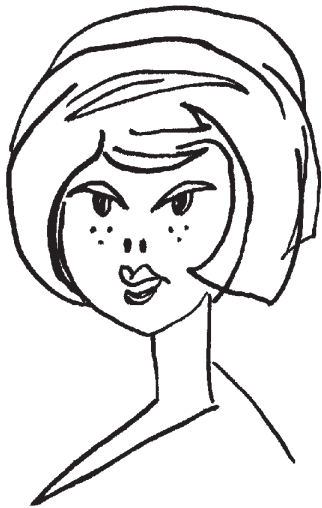
Очень хороша небольшая доза ревности, время от времени возбуждаемой в мужчине. Эта мера особенно к месту, когда он только вздыхает, робеет, не решается идти на признания и Вы не можете оценить, когда это все кончится нормальным образом, т. е. ЗАГСом. Особенно безопасно заставлять ревновать интеллигентного мужчину. Он никогда не набьет морду, а о силе его страдания Вы однозначно сможете судить по степени небритости, по блуждающему взгляду, по тому, как он перестает менять рубашку и чистить ботинки.

Интеллигентный мужчина плох тем, что его любовь, как правило, платонична и результатов может долго не быть даже при инъекции ревности.

Когда дело сделано и мужчина стал Вашим мужем, — не думайте, что теперь он проживет без иллюзий. Все, о чем здесь говорилось, остается в силе, хотя и не требует теперь от Вас той же изобретательности и энергии, что и до свадьбы: спешить Вам некуда и риску меньше. Вы можете позволить себе изредка хождение в халате, дурное настроение, даже обувь 43-го размера, но как только Вы увидите, что он при взгляде на Вас зевает и у него уже не телячье выражение глаз, а коровье — вспомните о том, какой из приемов безотказнее всего действовал на Вашего мужа до свадьбы и примените его. Помните, что мужчина — ребенок, увлекающийся, наивный, верящий в сказки и любящий их. Разочаровать мужчину — это все равно, что обидеть ребенка.

Однако существует в семейной жизни одна проблема: проблема использования мужа в домашней работе. Несколько лет назад я уже делился с читательницами газеты «Импульс» некоторыми идеями по этому вопросу. Моя жена проверила эти идеи на практике, что привело к укреплению нашей семьи и рождению двойни (причем оба — мальчики). Исходя из этого, я хочу напомнить эти идеи, проверенные самой жизнью...

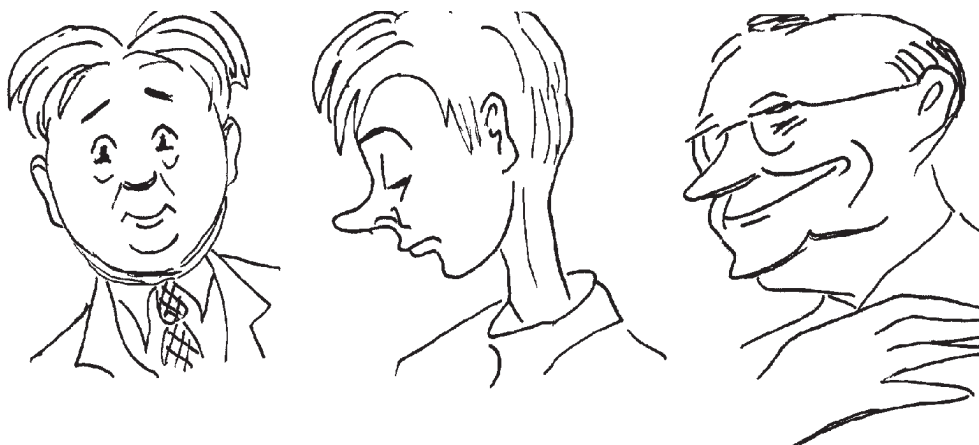

ПРОГРЕСС И ЖЕНЩИНА

В предпраздничные дни, когда наша редколлегия начала готовить традиционный номер ко дню 8 марта, мы вдруг подумали: да интересно ли будет нашим мужчинам читать эту газету? Не вытесняют ли у нас производственные заботы интерес и внимание к женщинам? Волнует ли их то, чем занимается женщина, как она одевается, как она, в конце концов, развивается? Само собой припомнилось, что сплошь и рядом современный мужчина, встречая женщину, приветствует ее словами: «Вы посчитали вчера мою задачу?» вместо того, чтобы сказать, например: «Как Вы сегодня прекрасно выглядите!» или «Эта прическа Вам очень к лицу...»; что если в разговоре мужчина хочет напомнить, о какой именно женщине он говорит, он скажет просто: «Она работает у Мороза на полуавтоматах», и часто не может вспомнить сам, что у нее синие глаза, каштановый цвет волос и фиолетовый цвет помады. Это нас настолько встревожило, что мы решили предложить мужчинам ЛВТА ответить на несколько вопросов специальной анкеты. Мы назвали ее «Женщина и прогресс» и начали с отчаянного и прямого вопроса:

— Любите ли Вы женщин? Если да, то почему.

Мы должны обрадовать вас, наши женщины. Вас любят. Почти поголовно все опрошенные мужчины. Ст. лаборант А.

даже удивился: «Что за вопрос? Конечно, люблю! Как всякий нормальный мужчина». Инженер Б. (женат) объясняет так свой интерес к женщинам: «Они всегда что-нибудь придумают». Некоторые ставят условие: «Да, если они меня любят». В ответе ст. инженера В. (женат, есть ребенок) звучит некоторый пессимизм: «Люблю, все равно от них никуда не денешься». И только ст. инженер Г. пришел к неутешительному выводу: «Вероятно, нет. Иначе давно бы женился». Некий Д. (холост, должность не называем, иначе сразу догадаетесь, кто это), правда, тоже утверждает, что мало любит женщин, но у него определенная цель и свой метод ее достижения: «Чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей».

— *Куда идет эволюция женщины? (20 век по сравнению с 18, 19 веками).*

Инженера Е. (женат) этот вопрос поставил в тупик: «Неизвестно. Никаким закономерностям они (женщины) не подчиняются». Остальные разделились на два лагеря. Одни говорят: «Куда надо». Или: «Вперед». Или: «К полному равноправию с мужчиной». И тут же добавляют: «Со всеми вытекающими отсюда последствиями». Мнение представителей другого лагеря, самого многочисленного, лучше всех выразил ст. лаборант Ж.: «Дело идет если не к матриархату, то уж к чему-то еще хуже». Черту подвел холостой молодой специалист З.: «Наступают, а отступать некуда». Особое мнение

у ст. лаборанта И. Он считает, что эволюция женщины идет в основном по линии укорочения юбок.

— *Ваш идеал женщины и жены?*

Большинство отвечает в спокойной манере и, мы бы сказали, солидно. Например, ст. инженер В.: «Спокойная, по-женски мудрая, хорошо сложена». Или инженер И.: «Культурная женщина, обладающая крепким здоровьем».

Руководитель группы Ю. поспешил заверить нас: «Лучшая женщина — моя жена». Такой убежденности может только позавидовать инженер Е., ответивший на вопрос об идеале так: «Был до женитьбы. Теперь его пришлось забыть». Его можно понять. Как говорят, брак — это такое событие в жизни мужчины, когда он перестает покупать цветы и начинает покупать овощи. «Дареному коню в зубы не смотрят», — возражает Е. другой инженер. А холостой ст. лаборант Ж., умолчав об идеале женщины, размышлял о таких необходимых, по его мнению, качествах жен: «Она должна быть в меру умна, в меру красива, в меру ревнива, в меру любопытна и в меру верна». Судя по последнему замечанию, речь идет о чужих женах. Нам понравился также осторожный ответ научного сотрудника И., женатого, как мы знаем, давно. Он сказал так: «Мой идеал женщины: рост — 150, вес — 50, брюнетка. Мой идеал жены: рост — 169, вес — не существуетен, шатенка».

— *Как Вы относитесь к косметике? Какой цвет губной помады Вы предпочитаете?*

Милые читательницы, мы должны огорчить вас. 90 % опрошенных мужчин относятся к косметике отрицательно. Послушайте, что сказал ст. лаборант К.: «Предпочитаю здоровые свежие губы без помады. Если здоровых свежих губ нет, то предпочитаю ту помаду, какая к лицу (предпочтительно лиловых и розовых тонов)». А вот како-

го мнения ст. инженер Л.: «Губную помаду предпочитаю не видеть на губах женщин. К чему шпаклевка?» Кажется, он имел в виду «грунтовку», но он был в такой запальчивости, что переспросить мы не решились. Даже те мужчины, которые допускают применение помады, и то ставят неременное условие: нужно, чтобы она не оставляла следов. В предпочтительных цветах помады путаются и не уверены. Двое называли зеленый, один — фиолетовый.

— *Нравится ли Вам современная мода в женской одежде? Ваши предложения по ее улучшению.*

Один крупный начальник развел руками: «Мода так быстро меняется, что я не успеваю за ней следить». Большинство же одобрило современную моду. Некоторые коротко ответили, что именно они одобряют: «Чулки с черной пяткой и по-

короче юбки». Ст. инженер Л., человек с характером, был так же категоричен в ответе на этот вопрос, как и на предыдущий: «Люблю строгость линий и аккуратность в одежде. Всякие балахоны, не подчеркивающие формы, — не люблю». Ст. лаборант Ж. просит: «Мода — нравится, но не нужно выходить за пределы разумного. Оставьте

простор для воображения!» Ст. инженер В. предупреждает, говоря об улучшении моды: «Дальше улучшать опасно!»

Руководитель группы Ю. резонно замечает: «Удешевление — должно стать главным критерием мод. Чем дешевле — тем моднее — вот так было бы хорошо!» Молодой специалист М. спокоен и уверен в будущем: «Пока еще много лишних деталей. Но время возьмет свое!» Мы не хотим навязывать вам, наши читательницы, мнение, которое сложилось у нас после анкетных бесед с мужчинами, но должны вас предупредить: очень многие высказались за мини-скетс. Говорят, что на первый случай достаточно хотя бы 10 см выше колен. Главное — начать.

— Как Вы считаете: может ли быть женщина начальником? Если нет, то почему.

Тот же крупный начальник ответил вопросом на вопрос: «А почему бы ей и не быть начальником?» Интонация у него была точь в точь такая, как у того бывшего одессита, которого спросили: «Скажите, а почему одесситы всегда отвечают вопросом на вопрос?» — «А почему бы и нет?» — ответил он.

Холостой молодой специалист Н. размышлял: «Попасть в подчинение к молодой женщине — это приятно...» Давно женатый научный сотрудник К. был первым, кто внес струю пессимизма в хор положительных ответов: «Женщина создана быть начальником, хотя это и пагубно отражается на подчиненных». Сотрудник Ю., допуская, что женщина может быть начальником, из осторожности оговаривается: «Только не моим». Другие сомневаются. Они видят перед собой примеры женщин-начальников в ЛВТА, но тем не менее считают, что это приятное исключение из правила: «В силу обязанностей и характера женщина не может быть начальником». Нам кажутся эти соображения (особенно относительно характера) резонными. Известно, что начальник тем лучше, чем меньше он вмешивается в дела своих подчиненных. Посудите сами, как женщина может во что-то не вмешаться? Правда, молодой специалист М. приводит и такой пример: «Смогла же женщина стать Ее Величеством Королевой Великобритании?» Но инженер П. и научный сотрудник Д. приводят контрпример: «Заправилкой культурной революции в Китае стала Цзян-Цин (жена Мао), и вот вам результат!» Инженер Р. на наш вопрос обиделся и отвечать не стал.

— Какая жена лучше: жена-кандидат или жена — хозяйка дома?

Крупный начальник был верен себе: «Зачем так остро ставить вопрос?» — но мы поняли, что он не возражал про-

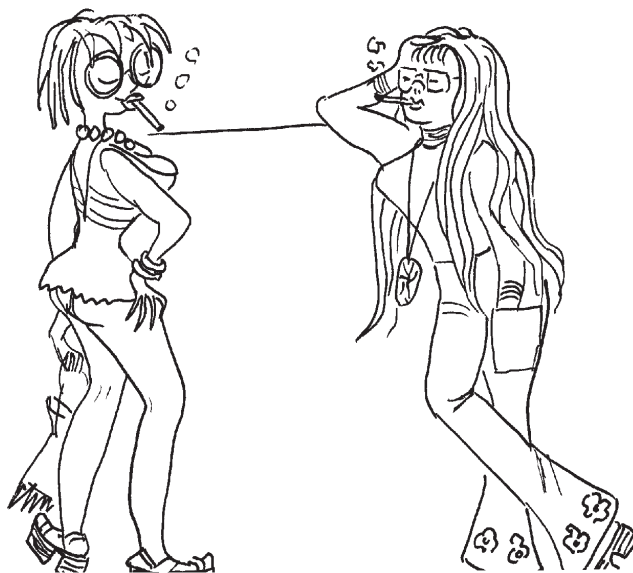
тив того и другого. Слесарю Р. безразлично, будет ли жена кандидатом или нет. Он так и сказал: «Безразлично: но чтобы она была со всех сторон красивой и любила мужа». Инженер П., женатый недавно, смотрит шире и основательнее. Он считает, что лучше всего «женщина-работница (в широком понимании) и хранительница очага». Ст. лаборант Х. дополняет это определение: «Лучше всего жена — хозяйка дома, с которой можно было бы поговорить о политике, музыке, науке и др. Кандидат допускается как необязательное дополнение к хозяйке дома».

Единодушны механики ЛВТА: «Конечно, лучше жена — хозяйка дома, если она настоящая хозяйка, а не лежит с романом на тахте. Женщина же ученая — это мука, это ссоры, разводы, обман: она всегда на семинарах, совещаниях, приемах; дома же — беспорядок, дети не ухожены, растут сами по себе...»

Часть мужчин (в основном сами со степенью) предпочли жену-кандидата. Например, руководитель группы Ю. (есть дети) сказал нам: «Предпочел бы жену, уже защитившую диссертацию и получившую, наконец, время для занятий по хозяйству». Но больше всего нам понравился ответ фрезеровщика С. Он резонно заметил: «Та жена хороша, которая не задирает нос».

На этом мы завершили нашу анкету. Милые читательницы! Мы будем очень рады, если вы извлечете пользу для себя из опубликованных нами ответов мужчин. Ответы эти доподлинные, и мы в них ничего не изменили. Мы не хотим почти ничего добавлять от себя, а только поделимся с вами сделанным нами приятным выводом: за всеми интересами к измерительной аппаратуре, вычислительной и невычислительной математике, технике и автоматизации — интерес к вам у мужчин не упал, а в эти предпраздничные дни даже преобладает. Мы очень рады за вас! Мы устыдились своих сомнений, извиняемся за них перед мужчинами и даже хотим предупредить вас: часто внешнее безразличие мужчин к тому, как вы одеваетесь, причесаны ли вы, хорошее ли у вас настроение — обманчиво. Но мы хотим обратиться и к мужчинам: женщине мало помнить ту истину, что ее любят. Ей нужно постоянное напоминание об этом, постоянное проявление признаков внимания к ней: ведь она — женщина. Она может простить вам выговор по работе, но никогда не простит, если вы не заметите ее новые туфли.

А сейчас у нее праздник, а следовательно и у вас тоже, и мы рады еще раз поздравить ее от вашего имени.

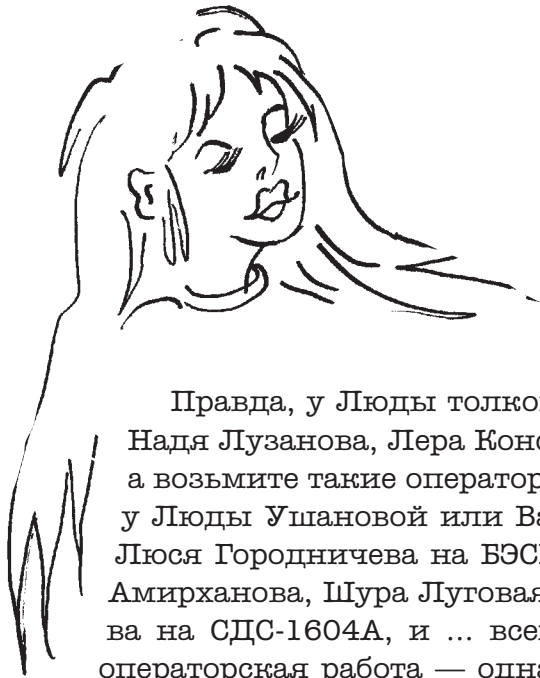

Я сегодня пишу не как литсотрудник газеты, а как начальник отдела. То есть серьезно. Да и какие могут быть шуточки, когда я пишу про женщин и их у нас в отделе 60 (шестьдесят!). Чтобы вы поняли ситуацию — мужчин только 10. Так что получается шестеро на одного. В свое время такого соотношения не вынес В. Ф. Никитин и безвременно ушел от нас, рассудив: уж лучше работать в местном, чем руководить поголовно женской группой операторов, перфораторщиц, диспетчеров и материально-ответственных. «Ах ты, господи, — тосковал я тогда, — что же теперь будет?» В отделе кадров мне порекомендовали какого-то бывшего чуть ли не командира полка, но тот, уяснив суть дела, спасовал.

И тут меня осенило: а что, если устроить в этой группе самоуправление? «Ой», — сказала начальство, когда я выложил ему эту идею.

Так Люда Первушова стала начальницей своей группы. И, по-моему, мы с начальством не прогадали: стало намного спокойнее. И сами с собой в этой группе хорошо управляют, и с пользователями (как их наш Джон Ливсей называет), и с поручениями от начальства: что скажешь — делается самостоятельно, быстро и хорошо. Хотя бывает, конечно... (Но ведь с кем не бывает?)

Правда, у Люды толковые помощницы: опытные Надя Лузанова, Лера Константинова, Света Заикина; а возьмите такие операторские смены на БЭСМ-6, как у Люды Ушановой или Вали Пелевиной; таких, как Люся Городничева на БЭСМ-6, «Вася» Шевцова, Надя Амирханова, Шура Луговая на СДС-6200, Галя Минеева на СДС-1604А, и ... всех не перечислишь. А ведь операторская работа — одна из самых тяжелых, потому что и в ночь надо идти, и с пользователем общаться, который бывает ну самый что ни на есть разнообразный. Вот приходит, например, тов. Мальцев на СДС-6200, лица на нем нет, руки трясутся: «Вы зачем мою задачу со счета выкинули?» — «Да на ней машина стоит». — «Время мое не кончилось? Не кончилось. Вы зачем выкинули?!» Руки на себя или на него наложить можно после таких разговоров, а девушки-операторы даже замуж за некоторых из этих пользователей выходят — и ничего.

Пятеро довольно слабых (физически, конечно) женщин во главе со Светой Заикиной взяли на себя труд, на который в Серпухове определено 40 перфораторщиц. Вся диспетчерская служба по машинам — у Шуры Щелевой и Нины Федориной; материальное снабжение машин — у Гали Катышевой. Вот и получилась у Первушовой не группа, а государство в ЛВТА-шном государстве. Большая сила. Не зря в поздравлении на 23 февраля от этой группы значилось:

Штурмуй смелей любой редут,
Твои солдаты (нет, солдатки!)
Тебя в обиду не дадут.

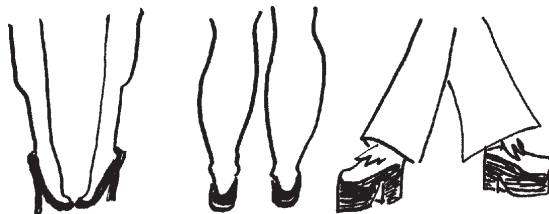
Я от такого поздравления два дня гоголем ходил. Но, конечно же, в любом штурме — и наши математики, и тоже в основном женщины. Не надо меня жалеть: при всем их чисто женском и способности у них хорошие, и настойчивость. Отступить не дадут. На иной бы редут и не шел: подумаешь — ну его к черту, нужен мне этот редут; а потом назад оглянешься — э, нет, поди отступи. Свой же и кокнут.

Вот Галя Семашко. Милейшая и симпатичнейшая женщина, золотой характер, счастливый муж — а подступись к ней на машине. Самого Влада Иванова с БЭСМ-6 выставляла. Когда Заикин укатил в ЦЕРН — вся работа по связи БЭСМ-6 на Семашко оказалась — и хоть бы что.

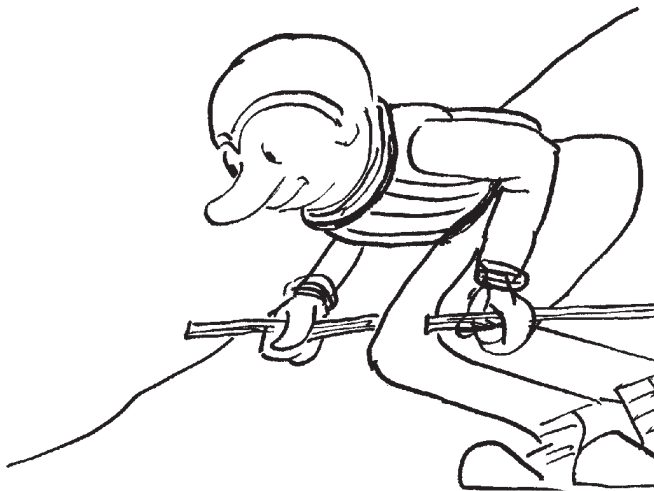
Оля Ломидзе разрывается между БЭСМ-6 и БЭСМ-4. Тая Пузынина — между Пономаревым и Чивкиным; на Неле Невской — целая тема для ОНМУ (и она сражается там почти что в одиночку); Роза Гайдамака бьется с Хошенко и с инженерами в ЛВЭ; Галя Субботина и Эмма Лопатина — здесь с пользователями.

Ну, и конечно, группа Р. Н. Федоровой. Вся библиотека программ для основных машин Института — на них. Очень самостоятельная группа. До того самостоятельная, что, во-первых, единственного мужчину они от себя выперли, а во-вторых, сегодня к ним придешь — у них четыре женщины в составе, завтра — уже шесть, а послезавтра — восемь. И где Рая Федорова с Тоней Широковой и Людой Панченко людей сманивают, и как — это для меня до сих пор загадка. Но работы, конечно, у них навалом.

Ну, видите? Вот вам и развитие и эксплуатация математического обеспечения. Почти везде — женщины. А ведь им еще и на свидания ходить, детей нянчить, и мужей, или просто быть прекрасными дамами, и это не менее важно, чем быть хорошими специалистами. И если мне кто скажет, что это не так, я просто не знаю, что с ним сделаю.

ЛОМБАЙ

Еще год назад пик Тяпкина внушал уважение. Все испортил Вася Тропин. «Разве это горы?» — презрительно пихал Вася лыжей верхушку пика. Он бывал зимой на Кавказе; разговаривая, он отрабатывал вращение тазом (непременный элемент тренировки горнолыжника); он уже ободрал себе живот водными лыжами, и мы ему верили.

И тогда мы поехали на Кавказ, в Солнечную долину. Мы — это я, моя жена, Г. И. Копылов, Зоя Лысенко и Шароповы.

На складе нам выдали окованные железом доски с загнутыми концами. «Паламаешь — атвэтишь», — мрачно сказал кладовщик-карачаевец, и в первый раз стало холодно где-то в районе желудка.

И вот первый день горнолыжника, похожий на все остальные, как одна лысина похожа на все другие. Про зарядку я не буду рассказывать, потому что мне неприятно вспоминать, как некоторые обтирались снегом. Потом — общее построение. «Чтобы посмотреть друг другу в глаза», — говорил директор. Смотреть в глаза было трудно, потому что на построение мы выходили неумытые. Умываться приходилось в совмещенном туалете. В мужском стоял единственный на всю базу титан с горячей водой, и туда было трудно

пробиться сквозь толпу девочек, отиравшихся у двери с кружками в руках: «Принесите заодно водички!» Заодно и приносили.

Завтрак. Кормили вообще-то на убой. Опять же мне повезло. Зоя берегла талию, Г. И. Копылов не ел добавков из принципиальных соображений, Эдик Шаралов немножко стеснялся, а за столом нас было четверо.

Долина в самом деле оказалась солнечной, а поселили нас в прелестный сучий домик (его построили в порядке содействия ученым, поэтому он так и называется). В сучьем домике был собачий холод, и на первую встречу с директором базы мы оделись будь здоров. «Здесь у нас все оригинально и все наоборот, — хихикал директор, — паркет на потолке, а пол из досок, снаружи тепло, а внутри...» Мы знали, что внутри.

Мы были, по его словам, дорогими гостями, но нам и многое запрещалось. Например, лазить в одиночку по горам и добывать полезные ископаемые, невыход на зарядку.

Подымаются по гонгу, начинают сразу гонку —

На зарядку силой гонят, а инструкторы шпионят:

Кто не вышел, опоздал — враз приказ, чтоб лыжи сдал

— с горечью писал потом на стене над своей кроватью Г. И. Копылов. Писал, но терпел: неисправимых отсылали на кухню чистить картошку.

После завтрака мы вышли на склон (объект, по терминологии инструкторов). Нашей группе попался солидный инструктор в очень симпатичных клетчатых штанишках.

«На лыжах стояли?» — спросил он. «У меня разряд по водным!» — начал заискивать один. Остальные угрюмо молчали. Все мы именовались ползунками.

Начинающий ползунок — очень безобидное и послушное существо. И только в одном случае он бывает страшен: когда он на склоне без присмотра. Мы убедились в этом в первый же день. Склон — метров 300, внизу дорога. «Братцы, неуправляемый снаряд!» — бледнея, сказали внизу. Разметав на своем пути зазевавшихся, с застывшим в глазах ужасом мчался сверху ползунок. Он забыл все, что ему говорил инструктор, и думать мог только об одном: чтобы все это быстрее кончилось. Внизу, на дороге, отчаянно ругался и рвал рычаги тракторист, случайно оказавшийся на одной прямой с ползунком. Не будь у ползунка пятой точки, все могло кончиться плохо. Пятая точка — это та часть тела, на которую одевают штаны. На ней-то ползунок и закончил спуск. Место падения заровняли, а инструктор ехидно сказал: «Вот при таких падениях часто бывают крутящие переломы ног и рук». Он писал учебное пособие по слалому, и мы потом до трех часов отрабатывали ошибки начинающих.

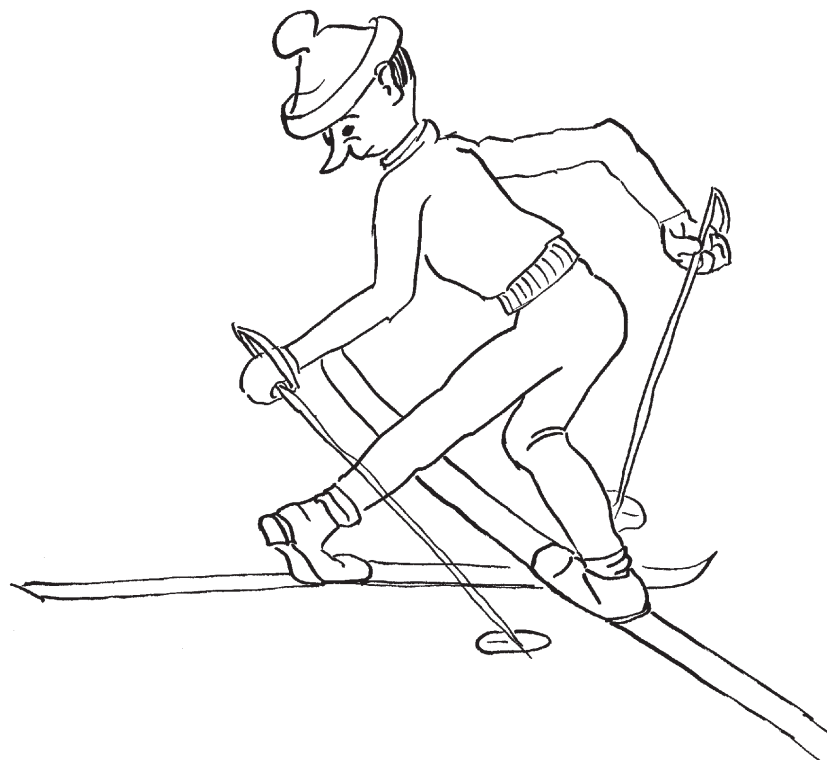
В три обед, потом душ. Горячая вода кончалась, когда хотела, причем у мужчин раньше, чем у девчонок. Для девчонок сигналом к окончанию мытья всегда была приглушенная ругань в мужском душе. А потом

Турбаза в полусне, как карась зимой на дне.
Все инструкторы не в духе, ходят сонные, как мухи;
Спит директор на ходу, спит завсклад в своем складе;
Спит рабочий в кочегарке (мерзнут все, как на Игарке);
Еле вертится движок (еле тлеет волосок);
Спят партнеры в преферансе...

И т.д.

Ежевечерняя кинопорция завершает день. Сообразив на троих одну ереванскую папиросу, укладываемся спать.

Зоя Лысенко уехала за 4 дня до окончания срока путевки, Г. И. Копылов и супруги Шариповы — за 3. Все мы по возвращении в Дубну подали заявки на путевки в Солнечную долину на следующую зиму.

ПРИЕЗЖАЙТЕ НА БЕЛУЮ

Наступает пора воскресников и летних отпусков. Вы куда решили в отпуск? На Кавказ? Ей-богу, не стоит. Ежели плановым туристом ехать — смех один, с чемоданом через перевалы ходить будете. Дикаря же на Кавказе не любят. Да и неудобств много. Идете вы затемно, видите — лес; легли под кустик, поспали, просыпаетесь утром, — вы в дендрарии, на кустике табличка и кругом экскурсии ходят. Опять же флора и фауна незнакомые. Я вон в Новом Афоне в монастырском саду зеленый мандарин съел — чуть не умер. Право, не стоит на Кавказ.

Поезжайте-ка вы лучше в Башкирию, на реку Белую, в июле месяце и поживите в палатке на берегу недельки три! Ну, скажете — «посоветовал». А вы съездите, благодарить будете. С собой возьмите удочки и жену. Если нет того или другого — обзаведитесь. Это серьезно. Не будет удочек — не будет рыбы, не будет жены — не будет ухи. И не говорите мне о кулинарных способностях мужчин. Вспомните историю с Джилом Понтекорво и кухонным комбайном.

Ну вот вы поставили свою палатку на высоком берегу (он там везде высокий) и раздобыли лодку. Рубите ступеньки, это для вашей же пользы: вы мужчина и за водой будете ходить сами. Первый ужин жена варит из тушенки, а вы в ве-

дерочке парите овес. Это для рыбы. Перед сном вы поедете на середину реки, вобьете кол и привяжете на веревочке кошель с овсом. Утром сюда придет язь. Вот теперь можно ложиться спать. Правда, какой приятный и мелодичный звон над березой? Это старые знакомые, комарики. Башкирский комар — существо деликатное и, я бы сказал, интеллигентное. Днем он спит и вас не тронет. Хотите и ночью спать спокойно? Зажгите древесный гриб и положите в палатку. Вонь от него ужасная, и комары смываются из палатки моментально. Теперь можно выкинуть гриб, убрать дым и ложиться спать. Запах, конечно, остается, и всю ночь вы воюете с фашистами в условиях газовой атаки. В 3 часа ночи жена будит вас и говорит: «Иди». Надо идти: язь клюет исключительно с 4-х до 6-ти. А тишина какая, а туман над рекой! Вы уже в лодке, на крючке овсинка, поплавков уплывает по течению... В первое утро вы ничего не поймаете: нужно было поплавков поднять на 10 см от крючка выше. Но зато на второй день...

Ровно в 6 часов вас кончает бить нервная дрожь: язь ушел. Закурите махорочки и езжайте досыпать. Начинается благодатный день: +35°C, вода — парное молоко, жена уходит собирать клубнику, а вы идете ловить пескаря для перемета. Скажу сразу, что пескарь хорош не только для переметов. Ежели его обжарить в сухарях, да пустить под алкогольный напиток — это просто ах и ах. Ловится он

исключительно на червячный запах. Вы стоите с удочкой в воде и он хватает вас за ноги. Над вами солнце и оводы. У вас стаж супружеской жизни какой? Уже 3 года? Тогда овод для вас не проблема. Примените обычную тактику «не обращай внимания — отстанет».

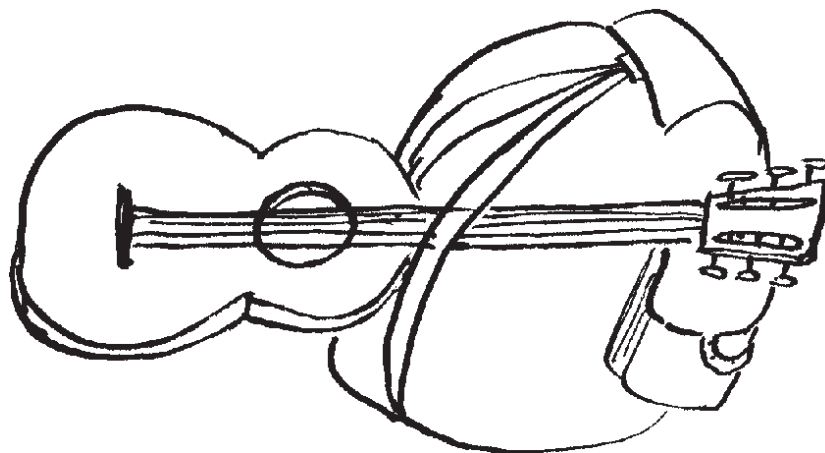
Вы поставили переметы, на донную удочку поймали головля и злых окуней, заглатывающих крючок с пескарем аж до хвоста, накупались до темноты в глазах, съели чудную уху и идете вздремнуть после обеда. В перспективе молоко, добытое на хуторе, и ужин из тушенки... Радио вас не донимает, газеты читать не надо, воскресники организуются без вас... Честное слово, поезжайте в Башкирию, на реку Белую!

КАК МЫ ВСТРЕЧАЛИ НОВЫЙ ГОД

Жил человек в одном городишке со женой и тремя детьми-неслухами. И так ему эта жизнь надоела, что собрал он котомку и ушел из дому куда глаза глядят. Шел он, шел, и так ему хорошо было! Ночь настала. Лег человек, котомку под голову — и уснул. А утром опять пошел. То дождичком его брызнет, то солнышком пригреет... И так три дня и три ночи. И вот вошел человек в замечательный город (прямо рай земной). Видит — из домика вышла ему навстречу прекрасная женщина с тремя очаровательными детишками. «Господи! — сказал человек, хоть и был одно время пропагандистом в кружке текущей политики. — Как хорошо!» И вошел человек в этот домик и стал жить с этой женщиной и этими детишками... Так выпьем же за туризм!».

Вот какой тост произнес два года назад в предновогоднюю ночь Вася Тропин, зажав в одной руке кружку, а в другой — щепоть кислой капусты. Произнес после того, как мы, четверо мужчин, проникли через чердачное окошко в пустой дом сторожа Уходовской базы, с муками и руганью протаскив через эту дырку Саню Лукьянцева. Мы растроганно слушали Васю, и слезы текли из наших глаз, потому что дымно было в доме до крайности. Уже полгода никто не удосужился протопить плиту, дышать можно было только на первых 70 см от пола.

И была ночь, и спали мы сном праведников, заткнув разбитую форточку запасными мельниковскими штанами. Но настал день, и ушли Мельников с Тропиным встречать женщин, которым тоже непременно нужно было в Уходово. А ведь они не слышали, какой тост произнес Вася Тропин в предновогоднюю ночь...

Кончив в доме приборку, я вылез из дома и обомлел: роняя ворованные из поленницы сторожа дрова, бежал ко мне Саша Лукьянцев. На льду Московского моря тарахтел мотоцикл, и я понял: приехал сторож. Сторож был грубый и здоровый мужчина, к тому же он категорически запретил нам неделю назад пользоваться его домом, поэтому меня несколько не удивил цвет лица моего товарища по несчастью. Нужно нам отдать должное: мы встретили подошедшую к нам фигуру в тулупе лицом к лицу. Это был проезжий рыбак, у которого забарахлил мотоцикл и ему нужна была проволочка.

А потом в километре от дома я рубил елку, и было так морозно и тихо, что явственно доносилось пыхтение Сани, таскавшего через чердачное окошко дрова. Мы затопили все печи в доме, так что когда, наконец, пришли наши друзья и подруги, то подруги сказали: «Сидите в этой копильне сами». Тогда мы вытащили из форточки мельниковские штаны, и все встало на свои места. Много было съедено и выпито в эту ночь, и Мельников с такой силой пел: «Я ее целовал,

уходя на работу!!!» — что Кухтина бросила гитару и ушла спать в другую комнату. И снова был день, и мы пришли в замечательный город (прямо рай земной) и стали жить в нем.

О ГРИБАХ

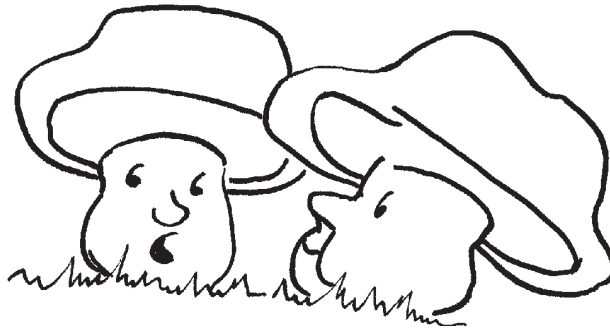

Когда я в конце августа вернулся из отпуска, то обнаружил, что основные темы непроизводительных разговоров в институте следующие:

- 1) кто как провел отпуск;
- 2) события, связанные с международной конференцией (появление датского сыра, немецких плавок и дивных польских кофточек, вязаных английской резинкой);
- 3) грибы.

О грибах говорили все. Рассказывали страшные вещи: кто-то под Дмитровой Горой зараз набрал 127 белых; кто-то приволок домой две корзины подосиновиков, да еще ругался черными словами, что не захватил с собой мешок. И не верить-то нельзя было: я сам видел Х., который уже третий день маялся животом, объевшись свинух.

В ближайшую субботу жена послала меня за старыми банками в сарай, за корицей в магазин и за камнем на Волгу. Как выяснилось, все это совершенно необходимо для засолки грибов. В воскресенье за нами зашел Астахов, знавший какие-то заповедные места за каналом. «Не тот уже белый гриб теперь, не тот... Опенок его перешиб», — сказали на пароме. Ну, не тот, так не тот, наберем подосиновиков. Заповедные места оказались в кустах у причала. «Что-то не то, — сказал

я. — Пошли дальше». «Гриб нужно искать так, как будто ты в этом месте ключ от квартиры потерял, а запасного нет!» — пояснил Астахов и остался ползать вокруг знакомых ему кочек. Через два часа выяснилось, что ползал он не зря. «У-у, Шириков!» — сказала жена, глядя на 4 астаховских подосиновика, и я удивился, что мою фамилию можно произнести с таким обилием шипящих звуков.

Вечером, когда мы возвращались домой, я шел сзади, а утром в понедельник кофе мне пришлось варить самому.

Теперь, если припрет, пойду на площадку (помните, куда водил нас Шигаев на занятиях по ПВО, к бомбоубежищу?) и наберу опят. Ведь отличный же гриб!

Не в рабочее время, конечно, пойду.

КОМУ ДАТЬ ПО ШАПКЕ ?

Слава, вам нужен плед? — спросила Эмма Лопатина, входя в комнату и глядя на меня ясными глазами.

«Спекулирует, — испугался я. — А еще из хорошей семьи. Болтали, что дворянского происхождения». Я не был уверен, что мне нужен плед, но отказаться тоже было неудобно. Всякие торговые операции всегда угнетали меня. Я помню, с какой завистью я смотрел на Иосифа Иванченко, когда перед отъездом из весенней алуштинской школы мы с ним покупали на базаре ведро клубники. «Что?! — с презрением спрашивал Иосиф у тетки. — По-вашему, это ведро?! И, по-вашему, здесь 6 килограмм? Бросьте! Давайте, мы платим за 5 килограмм, и кончим на этом разговор». Я так не умел. Особенно, если дело касалось вещей. Когда на кимрской барахолке мне предложили за 1 руб. 50 коп. самодельные калоши на валенки — я взял без звука и был счастлив, что вышло так недорого. Но плед — это ж как минимум двадцать рэ.

— Так записывать вас? — спросила Эмма.

— Записывайте, — сказал я.

Что-то тут было, чего я не понимал, но кажется, денег сразу платить не требовалось. Когда Эмма ушла, я пошел к жене.

— Слушай, нам нужен плед? Меня куда-то записали, что мне нужен плед.

И тут жена заявила мне, что я «село», что Эмма Лопатина — профорг и что есть в профсоюзе система, через которую можно добыть крышки, плед, а Семашко даже добыл шапку.

— Ширикова, — сказал я, — ты знаешь, что я третий год не могу купить шапку, что моего 61-го размера нет даже в валютных магазинах, что в меховом магазине в Столешниковом переулке сколько уж времени висит объявление «Сегодня шапок из кролика в продаже не будет». И ты до сих пор не сказала мне, что есть такая система?!

— Ты думаешь, это так все просто. Ты посмотри, в чем ходит председатель месткома. Шапки нет даже у председателя жилищной комиссии. Тут на заседании Объединенного месткома один сказал, что ему нужна шапка, потому что он едет за границу — и то не помогло. «Там и купишь», — сказали ему. А Семашко дали — так он уж сколько времени начальник отдела.

«Не светит, — думал я, уходя к себе. — И что-то тут не так делается. Один добивается — потому что он председатель; другой — потому что за границу едет; третий — начальник. И никто не сказал: «Мне нужно потому, что у меня уши мерзнут».

Новый год — всегда новые надежды. Почему не помечтать даже по мелкому поводу? И кажется мне, что когда будут распределять блага в будущем году, то пусть крышки получат те, кто лучше всех варит варенье и закатывает грибы; холодильники — любителям холодного пива, а шапки — тем, у кого больше всех уши мерзнут. А может, это все маниловщина — мечтания такие? Может, есть у кого подержанная меховая шапка с ушами (желательно светлая?) 61-го размера? Раз кто-то получает новые — старые-то должны оставаться? Я бы купил.

ЗА НОВУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ

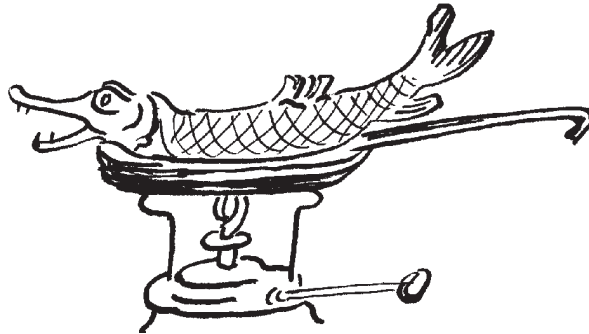
*Организация и еще раз организация!
Из моих мыслей*

*Ловят рыбу только дураки и неврастеники.
В. К. Мельников*

Сколько я себя помню — я всегда был в какой-нибудь организации; по-моему, был в октябрятах; точно был пионером, комсомольцем, членом ДОСААФ, ДСО «Труд», Красного Креста, Народной дружины, профсоюза и, наверное, еще чего-нибудь. Постепенно вхождение в организацию стало своего рода потребностью и необходимым условием душевного спокойствия, а невхождение — причиной мучительного беспокойства.

Несколько лет назад мы с Астаховым начали выходы на лед Московского моря. Нас было двое, и пока мы несли свои ватные штаны от автобусной остановки у плотины на лед, мимо нас проносились машины, полные организованными рыбаками; мы могли рассчитывать максимум на Коровинский залив — они мчались в Бревновский и Перетрусово, на Медведицу и черт его знает еще куда.

Пока мы в поту и мыле крутили по первой лунке, они уже успевали оборвать не по одной мормышке. Иногда мы

видели, как на горизонте весь лед расцветивался флагами: шли соревнования. «Да-а, Шириков, — говорил Астахов в конце дня, сгребая окуней в ящик, — по 10 копеек за стакан». Нас было двое, Астахов даже на велосипеде не умел ездить, и мы чувствовали, что у нас впереди никакой перспективы.

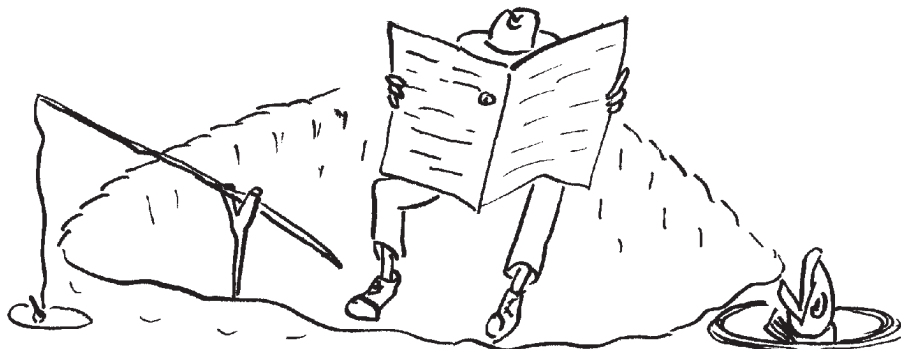
Когда нам сказали, что в ЛВТА создана секция рыболовов, эффект был как при известии о повышении цен на водку: очевидно, что это имеет место — а все не верится. Объявили: «Записываем, только 20 мест, по рублю с носа, едем в Бревновский залив, окунь там — во! Сбор в 6, у гаража. Ляповцы едут в Коровинский». Спали ли мы с Астаховым в ту ночь — не знаю. Пришли загодя, смотрим — как на призывном пункте. Сунули нас в кузов, зажали — не дыхнуть. Слышим — председатель секции волнуется: Барина нет. Тут кто-то сказал нехорошее слово, все согласились, и мы поехали. Сердце в сплюснутом со всех сторон теле прыгало вверх и вниз: «Окунь там — во, окунь там — во!» Когда проехали Иваньково и Креву, Николай Иванович Чулков сказал: «Счас — свернет». Когда не свернули, все сказали: «Интересно!» Когда стало ясно, что сворачивать уже некуда и дорога только одна, через Кимры, — кто-то опять сказал нехорошее слово, и все опять согласились. Николай Иванович сказал, что нас, наверное, повезут на Медведицу или на Великое озеро, и кто-то из темноты кузова предложил присвоить председателю секции звание «Македонский». Председатель ехал в кабине и нес всю ответственность. После Кимр все успокоились и повеселели: «Будь что будет». Куда-то мы в конце концов

свернули, и не раз, и был уже солнечный день, когда на глухой лесной дороге машина встала. «Догнали колонну», — сказал подошедший к заднему борту председатель секции. «Куда хоть едем-то?» — спросил А. И. Родионов. «В Перетрусово, так и перетак», — ответил председатель. Мы высыпали через борт и поняли, что значит организация: впереди было еще 9 машин. 250 институтских рыбаков (и ляповцы в том числе) были посажены в технику и брошены единой автоколонной в одно место, что было спокойней за рыбаков и за технику.

Кое-как проехали через полуразрушенный мостик и прибыли на лед. Ловили до 4-х. «Да-а, Шириков!», — сказал Астахов в 4 часа. «А чего бы ты хотел? — спросил я. — Это же не Бревново в конце концов!» Все-таки Астахову очень трудно угодить.

«Двести хвостов» — спокойно сказал Николай Иваныч, когда все собрались у машины. А. И. Родионов посмеялся, полез в машину. Ехали недолго: до мостика. Утром он был полуразрушенным, а вечером — полностью. Когда все повывезли из машин — стало как на Куликовом поле. «Гатить!» — сказал начальник автоколонны Егорихин. И сделалась гать, но ею решили не пользоваться. «Лапнику!» — сказал Егорихин, и лес обнажился, и по заваленному лапником мостику пошли машины. На все это стоило посмотреть. «Единица — вздор, единица — ноль...» — шептал я, стиснутый опять в кузове, а сзади меня Николай Иваныч рассказывал, какие леци ловятся на Пудице: «Почешешь ему бок, а он так и выгибается от удовольствия, так и выгибается... Ловится исключительно на соленое тесто. Чем солонее — тем лучше: он его в рот возьмет, оно соленое, челюсти ему сведет — и тани его, никуда не денется».

В следующее воскресенье мы с Астаховым и председателем секции ловили корюшку-огуречника в «аппендиците», у плотины (рыбка — 70 мм длиной, но исключительно хороша к пиву) и председатель сказал, что секция уже ездила в Бревновский. Еще он сказал, что мы дураки, раз испуга-

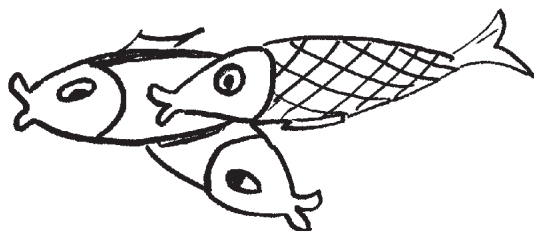
лись трудностей и не поехали. «Не все сразу», — решили мы с Астаховым.

В январе я сделал отчаянную попытку пробиться в одиночку в Бревновский залив. Когда я вышел на дамбу около Иваньковских труб — я ахнул: все море было залито водой. Я сделал все, что мог: дошел почти до Могильного острова. Подвели меня калоши, купленные на Кимрской барахолке и оказавшиеся какими-то полупроводниковыми: внутрь они воду пропускали, а обратно — нет, причем выворачивание наизнанку ничего не меняло.

Весна для рыболова — пора новых надежд, и солнечным мартовским утром на дамбу поднялись трое: я, Астахов и Карлов. До самого горизонта тропа, ведущая в Бревново, была заполнена сосредоточенно шагавшими группами рыбаков. Не сговариваясь, мы вышли на ту же тропу и взяли хороший темп. Было жарко, и к концу первого часа рюкзаки, тулупы, ватные штаны и валенки уже доконали нас. «Пить», — сказал Астахов, но мы еще держались. Сзади рывкнул мотоцикл, мы прыгнули в разные стороны. Мотоцикл встал, с седла загадочно улыбался Кретов, а из коляски выбирался Николай Иванович Чулков. В папахе типа генеральской и в темных очках он был великолепен. «На эту сторону лучше и не ходите, — сказал Николай Иванович. — Сейчас надо в Федоровский залив пробираться, а на этой стороне ничего и не берет». Это заявление морально добило нас; мы еще успели стрелкнуть у Николая Ивановича мотыля и потом, когда он уехал, по инерции еще двигались минут 15, пока Карлов не сказал: «Бросьте меня здесь, ребята». Пот застилал

очки, мы посмотрели с Астаховым в глаза друг другу и подумали: «Ну, чего мы мучаемся? Что строим из себя каких-то гордых одиночек? Ведь, небось, недели через две снова заработает в ЛВТА секция и за какую-нибудь несчастную пару рублей мы спокойно, на машине съездим в этот чертов Бревновский залив». Мы дальше не пошли, скинули рюкзаки и сели пить чай.

Конечно, мы съездим в Бревновский залив, не в этом году, так в следующем. Уже и то хорошо, что у нас есть, наконец, своя организация, и год 1970, год ее рождения, мы будем помнить, как помнят первую любовь.

ПИСЬМА ИЗ ЖЕНЕВЫ

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

В начале казалось; что все это понарошку. Первая беседа на английском была в самолете с португальцем, возвращавшимся с делегацией из Москвы. Присели на час в Вене, потом прилетели в Цюрих. Самолет на Женеву задерживался часов на пять. За счет авиакомпании сводили нас в ресторан. За соседним столом — бабьи посиделки: 12 швейцарок ели сладкое, выпивали и даже пытались запеть. Совсем как в России.

В Женеву прибыли поздно, часов в 12 ночи. Нас ждал автобус от представительства, и когда мы с Саней Л. тащили мой чемодан (у него, собаки, еще в Шереметьеве ручка оторвалась), то нас встретил этакий родной голос шофера: «Ну что вы его как покойника тащите!» Привезли в отель «Дрейк», поселили. На другой день поехал я в ЦЕРН, представился Мак-Леоду (начальнику ЦД, т. е. вычислительного центра), а тот сдал меня на руки одному датчанину, который сейчас руководит группой автоматизации. Поговорили. Посадил он меня пока с англичанкой, дал кучу литературы. Копаясь.

В субботу отправились с Саней гулять по городу. Зашли в магазин русской книги и пластинок. Француженка, немного говорившая по-английски, сказала, что у Сани оксфордское произношение (чем он был страшно польщен), а у меня американское (второй удар был мне нанесен одним западным немцем в ЦЕРНе, который сказал, что я никак не похож на русского — скорее на немца или датчанина).

Правда, первое время без русского сопровождающего я в город выходить боялся: я по-французски ни бэ ни мэ, а горожане — по-русски и по-английски то же самое. Заблудишься где-нибудь и пропадешь. Просто так, ни за что. Пару дней ходил за Сашей Л. как за нянькой. Проникся к нему глубоким уважением, когда он сумел доказать официантке в кафе, что мы хотим именно два пива и бифштексы, а не что-нибудь другое.

Вчера приехали еще штук 10 русских. Этот день вообще был очень тяжелый: в час дня З., Л. и я отправились на официальный обед, устроенный в ресторане ДД-отделом в нашу честь. Разбираться во французском меню мы предоставили нашим хозяевам. Всё было нормально, пока не заказали мороженое. Спрашивают: «Вам с огнем или без?» Я на всякий случай сказал «без», но решил, что чего-то я не понял. Но оказалось, что у соседа принесенное ему мороженое действительно горело синим пламенем, поскольку было пропитано чем-то ужасно спиртным.

Я сейчас пока по уши сижу во всяких руководствах и описаниях, но думаю, что через месяц, самое позднее, нужно начать что-то делать и для них (имеются в виду программки в систему). Они не очень-то любят, когда работают только для себя. Срок, конечно, маленький. Что там сделаешь за 4 месяца?

... А какие парады здесь устраиваются по всяким поводам! Когда женецы открывали мемориальную доску на доме, где жил Ленин, то в почетном карауле под бар-р-ра-банный грохот маршировали такие девочки, что у половины русских челюсти поотвисали...

Город очень чистый, красивый, какой-то игрушечный. Очень приятные люди. Здесь дико представить себе, что кто-то где-то (в магазине, например) может тебе нагробить. Р. М. на второй день жаловалась мне: зашла в магазин, но купила только тетрадь за 50 сантимов, а продавщица ей сказала: «Мерси, мадам». Может, издевается, мол?

С ребятами из русской колонии в ЦЕРНе встречаюсь за обедом в столовой, потом идем обычно пить кофе (тут никто не переписывает сидящих в буфете). После кофе немножко беседуем на всякие житейские темы с соседкой. Полезно. Никак не могу заставить правильно произносить мое имя. Все у нее «Слява» получается. У других тоже.

В кино сходил один раз с Саней на какой-то уж совсем дурацкий боевик.

ПИСЬМО ВТОРОЕ

Я никогда не думал, что за две недели пребывания за границей можно так акклиматизироваться в совершенно новых условиях. Окончательной акклиматизации мешает только присутствие *n*-го количества дубненцев, на которых постоянно натыкаешься то в отеле, то в столовой, то в городе, то просто в автобусе. В автобусе вообще ездят только молодые девушки-просмотрщицы, которые еще не накопили денег на машину или не успели сдать экзамен на водительские права, — да советские специалисты. Поэтому каждое утро, входя в автобус, наблюдаешь одну и ту же картину: на одной стороне автобуса — голые колени и англо-французский разговор, на другой — пузатые портфели и громогласные, неоспоримые утверждения И. Г., что Чиковани — это голова и что Иосиф Иванченко — это тоже голова.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

Воскресенье посвятил городу как таковому (слава богу, по воскресеньям никакой торговли не бывает. Даже продовольственной). Сходил в кафедральный собор, попытался сходить в русскую церковь, но как раз оттуда выкатился ба-

тютюшка, а за ним староста, который позапирал все двери. (Любят наши русские всё запирать при первой возможности. Боятся, что иконы сопрут, что ли?). Потом пошел в Музей истории и искусства. Масса оружия. Греческая и римская скульптура. Хорошая выставка картин от голландцев до современных включительно. Неплохой зал импрессионистов — есть Ренуар, Коро, Писарро, Ван Гог. Есть зал абстракционистов (очень хорошие краски и их сочетания; ничего социально опасного) — но всего картин 15. Интересны средневековые комнаты со всей обстановкой. Хорошие залы прикладного искусства: посуда, часы (начиная от деревянных, на которых я понял принцип работы часов вообще), кружева. Честно говоря, по-моему, кружева лучше вологодских.

Вечером пошел на боевик. На итальянском языке, с немецкими и французскими субтитрами. Порядка 200 убитых, хотя конфликт произошел в маленьком городе. Кровь лилась рекой. Вернулся в отель, стали с соседом ужинать. Вскрыли банку, которую купили исключительно из-за непонятого названия. Оказалась рисовая каша с чем-то вроде сгущенки. Разогрели на сковородке и с отвращением съели. Потом вскрыли язык говяжий в железной банке. Смотрим, а он в каком-то гороховом бульоне. При ближайшем исследовании этикетки выяснили, что вскрывать-то как раз и не надо было, а надо было так прямо в банке и варить 10–15 минут. Сначала хотели выкидывать сразу, потом отложили. Мясо надоело, с рыбой долго возиться, на куриц жареных смотреть не хочется, а ракушки варить страшно: уметь надо. Успешнее всего идут сосиски и яйца с помидорами.

Сегодня заходил в машинный зал. (Туда вообще-то математиков не пускают). Чисто внешне любовался прохождением задач на Си-Ди-Си-6400. На двух телевизорах видно все, что происходит сейчас для тех двух-трех задач, что обычно одновременно считаются в машине. На экранах обычным английским текстом сообщается как и какая проходит задача, сколько времени и какие устройства она использует и т. д. Когда задача кончается, видно, как она вместе с фамилией программиста вычеркивается и начинается вся печать, к ней

относящаяся... Не говорю о диагностике и сообщениях о прохождении задачи, которые машина печатает для программиста: они могут занимать 3/4 всей печати.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ

Вчера с З. вместе водили К. по ДД. Переводили на пару. Посмотрел он все машины, особенно, конечно, заинтересовало его использование IBM-360 для административных задач.

Утром сегодня пошел с Саней по магазинам, точнее, он — по магазинам, а я в один, в обувной. Сане тоже нужно было туда. Это было кино. Через 15 минут после начала примерки около него собрались все продавщицы. Саня сидел разутый возле трех пар ботинок разных фасонов и не мог решиться. Я ему посоветовал одну пару, но они ему чуть-чуть оказались велики; решили мы попросить другую такую же, а объяснить не можем: ни одна продавщица по-английски не понимает.

Саня сидит взъерошенный, а они смеются — заливаются. Потом они на улице поймали какую-то англичанку и привели в магазин. После объяснения оказалось, что пара была уникальной в силу большого размера.

Потом я пошел в отель, а Саня дальше. Я пообедал и отправился смотреть край старого города, где еще не был. На мосту через Рону встретил Саню, возвращавшегося с парой сумок, голодного и злого. «Ну и дурацкое дело, ходить по магазинам, Слава,...!» И ушел. Я прошел по набережной, потом парком в район вилл. Иногда думаешь, что это декорации: изумрудные лужайки, цветные дорожки, деревья какой-то особой раскидистости, сказочные дома-дворцы в глубине аллей... Как-то трудно здесь вообще представить, что в каком-нибудь месте можно увидеть, например, обыкновенную грязь. Или лужу. Увидел грядку чернозема, но и она оказалась лежащей на полиэтилене: края торчали из-под земли. Аж противно.

... Ну, ладно. Пора пойти рубашки постирать (забота тоже). Сосед свои уже постирал и теперь стреляет из пистолета, купленного для сына. Подумываем, не купить ли настоящий. При желании можно, только дороговат...

ИЗ ЖЕНЕВЫ, С ЛЮБОВЬЮ

Мне трудно описать то сложное чувство, которое охватывает всех нас, членов чисто мужской колонии ОИЯИ в ЦЕРНе, в эти дни перед женским праздником. У каждого оно свое, конечно, но есть в нем нечто общее для всех: чувство, что мы основательно подзабыли предмет. Что нам, с нашей примитивной логикой, придется когда-то снова осваиваться со сложной женской логикой. Что нам просто придется привыкать заново к женскому обществу. Я никогда не забуду лица моего соседа, когда он однажды буквально ввалился в нашу комнату в отеле. Спрашиваю: «Что случилось?» «Мне сейчас на площади какая-то мадмуазель сказала: «Бонсуар, месье» (Добрый вечер, месье — пер. мой). Так он от этого места 2 квартала бегом бежал. А мужчина он с весом: как-никак 94 кг. Я не забуду также лживые физиономии моих русских коллег, под разными предложениями приходивших в мою комнату в ЦЕРНе, вернее, не мою, а молоденькой англичанки (меня, так сказать, подселили на полгода). Из всех наших один Саня Л. был искренним: пришел один раз, застал в комнате одного меня, сказал: «Приду лучше в другой раз». Пришел в другой раз, когда соседка была на своем рабочем месте, и не стал разводить со мною маскировочные разговоры, а сразу стал знакомиться. А остальные?

Г. И. стал заходить прикуривать (его зажигалка ему разонравилась), полагая, что его великолепный рост может повлиять на хваленую британскую сдержанность. П., войдя своей походкой левого полусреднего, и бросив два-три косых взгляда отнюдь не в мою сторону, считал необходимым задать пару вопросов по ФОРТРАНу. С. М. просто поднимал то одну, то другую густую бровь. Б. интересовался проблемами применения вычислительных машин. К. зашел сказать, что присланный мне из Дубны пакет он перешлет мне по внутренней почте, заставив меня гадать, а почему же он просто не захватил его с собой. И только Г. был настолько увлечен работой, что ему было не до таких пустяков (да и был он, притом, краткосрочником). Да еще И. С. все надеялся, что грянет, наконец, гром, и перекрестятся в Госкомитете по использованию атомной энергии, и пришлют ему жену, а потому ходил по Женеве, застегнутый на все пуговицы и сосредоточенный, и искал квартиру. Но гром так и не грянул, и теперь, когда я изредка захожу его навестить в отеле, он опять кипятит себе молоко в кружечке. Вот уж с этой стороны у нас все как нельзя лучше: никто не скажет, что носки, брошенные на пол или повешенные на стул, — это плохо. Не исключены, конечно, некоторые конфликты, напоминающие семейные сцены, если ты живешь не один. Как-то я поставил открытую банку с маринованными мулиями (моллюски такие) в холодильник, и закрывая дверцу, опрокинул банку на любимый торт соседа, склонного к сладкому и лютой ненавистью ненавидевшего мои увлечения острыми штучками. Дело раскрылось только к вечеру, когда он вскипятил чаек и полез в холодильник, несколько удивленный лужицей, вытекшей оттуда, и резким запахом. Он не разговаривал со мной после этого 4 дня, и еще 3 дня потом он уверял, что холодильник все еще пахнет «Твоими паршивыми мулиями». Но зато каким он становится добрым и всепрощающим, если ему удалось утром поговорить по телефону с женой или получить от нее письмо. Да и остальные ведь также. А посмотрите на них, когда им представляется случай отправить какие-то хоть маленькие подарочки своим

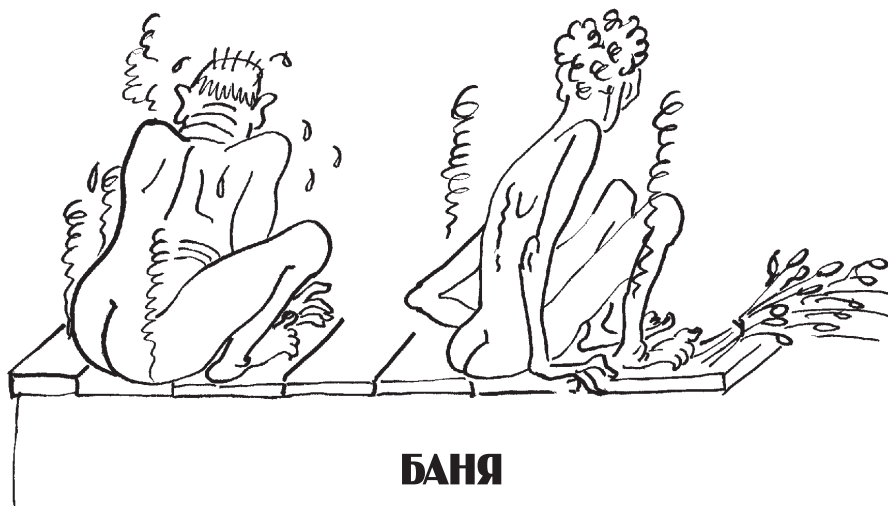

женам: Вы знаете, что такое для русского мужчины в Женеве пойти в женский отдел в магазине и выбрать там что-то по размеру и хорошее, не забывая в то же время о своей полставке посла? Ведь человек идет как на заклание, держа в дрожащей руке листочек с цифрами, свидетельствующими о том, что его жена перед отъездом была измерена вдоль, поперек и по всем мыслимым окружностям. Мой сосед выполнил даже некоторое подобие объемного чертежа и проставил все размеры. А если находится такой, кто не запасся такими данными? Вот и ходит он, бедняга, по магазину, выбирая продавщицу, по габаритам эквивалентную его жене, и по той тоске, которая светится в его взгляде, сразу можно понять, что он все-все забыл и ни в чем не уверен. А ведь ему еще предстоит всучить купленное какому-нибудь отъезжающему, у которого и так уже 16 кг груза лишних, и тогда-то организуется знаменитая операция «Цицерон», заключающаяся в создании группы фиктивных улетающих в аэропорту, в подмене чемоданов и портфелей и т. д.; операция настолько сложная по своим правилам, что очень напоминает по трудности Сочинский вариант игры в преферанс и совершенно не поддается краткому описанию. Служащие аэропорта, впрочем, знают эти правила, как я заметил, но достаточно тактичны, чтобы держать это знание при себе.

Конечно же, мы соскучились не только по нашим женам, но и по всем вам, наши добрые знакомые, наши друзья, наши милые (простите за это стандартное выражение) женщины. Когда в тесном кругу, расчувствовавшись после пары тостов, мы поем неприятными голосами «Без женщин трудно жить на свете, да...» — это о всех вас. Мы завидуем мужчи-

нам, которые будут дарить вам цветы в день вашего праздника и которым вы будете улыбаться в этот день. Вспомните и о нас. По моему мнению, на вес золота вы должны ценить мужчин, прошедших суровую школу заграничной жизни.

— А! О! Пониже забирай! Так её!...А-а-а!

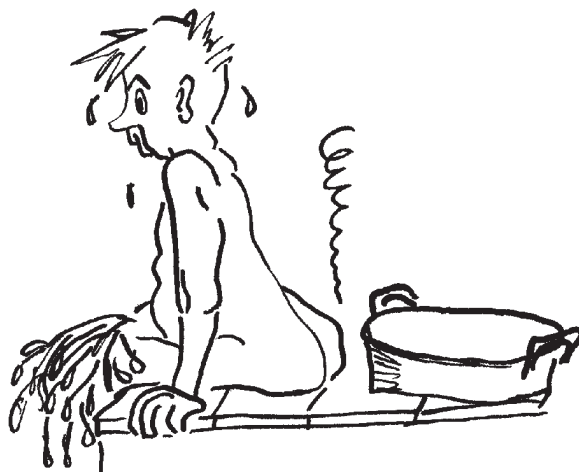
— Будя!!...

Из подслушанного.

*Весь личный состав должен быть раз в неделю помыт.
Веники выдаются из расчета один на десять нижних чинов.*

Из Военного Устава русской армии.

Их было двое на одного. Они били меня, лежащего, по чем попало, причем Ростовцев все норовил попасть по голове. «Так его, — спокойно сказал какой-то посторонний мужчина. — Кровь только смойте». «Где кровь?!!» — испугался Никитин, потому что это было его рук дело. «Ну, ладно, гады», — сказал я, поднимаясь с трудом. Потом в предбаннике мы пили магазинное пиво «из горла», обливаясь и захлебываясь от жадности. Распаренные мужики в нашу сторону не смотрели: завидовали. «Это ж надо, пиво в буфете запретили продавать!» — зашелся было один, но его не поддерживали. Что толку? Хотя, конечно: баня без пива — не баня. В свое время, по словам Гиляровского, когда случались перебои с пивом, то в Устьинских банях в Москве получился скандал, посетители перебили окна, и во время драки публика разбегалась голая.

При каждом удобном случае В. Ростовцев вспоминает финскую сауну в Вильянди и наизусть цитирует инструкцию для посетителей, в частности, § 7: «После мытья пройди еще раз в парильню, прогрейся и тогда отдохни. Если желаешь, можешь еще раз выпить пива, закусить прогретыми на камнях колбасками или отведать еще чего-нибудь». Чувствуете? А парильня... $+130^{\circ}$, $+140^{\circ}\text{C}$, так что доски раскаляются. Спросите того же Ростовцева: по неопытности он сразу полез и улегся на верхней полке. Страшно кричал человек, и потом еще несколько дней был слегка не в себе. Между прочим, цитирование § 7 и дополнительно § 9 упомянутой инструкции имело неожиданный эффект.

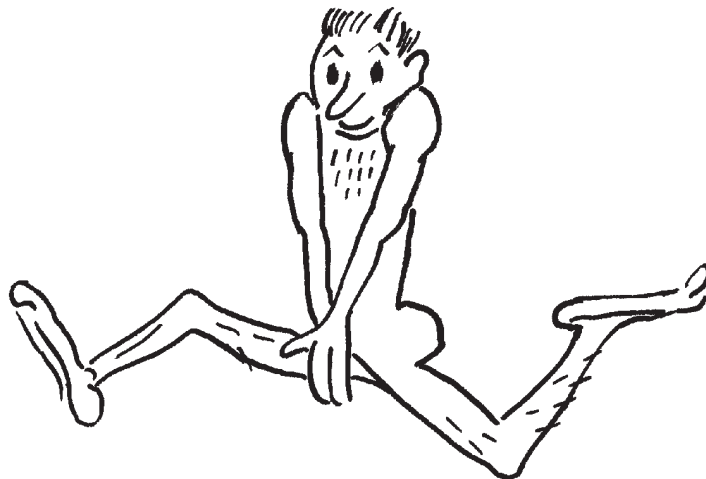
В § 9 сказано: «Мы не рекомендуем быстро покидать сауну. Можешь посидеть и отдохнуть у камина в предбаннике. Интересная беседа после бани укрепит тебя и твоих товарищей и создаст хорошее самочувствие».

«А что, девки, — сказала Н. Ширикова, — не попробовать ли нам?» Девки сначала промолчали, но потом поддались: сначала С. Иванова, потом Кулюкина, Кухтина и пошло-поехало. Они несли с собой в баню пиво, потом в какой-то момент стлали на полочку простынку, усаживались — и я думаю, что мало кто из вас, дорогие читатели, не был обсужден в их интересной беседе. Первое время они не могли привыкнуть к тому, что через окошечко с улицы заглядывают какие-то мужики: Кулюкина при этом визжала на всю баню.

Потом, правда, был сделан разумный вывод: «Если кому интересно, так пусть смотрят». Но все же, знаете ли, как-то все было не так, как-то не совсем по-домашнему...

И тут у М. М. Кулюкина (из ЛЯПа) возникла одна простая идея. Основывалась она на таких соображениях. Мало ли уже каждый из нас член чего-нибудь и платит за это деньги. Я, например, прихожу недавно в свою комнату, на столе лежит картонная книжечка, на ней написано «ОСВОД», и лежит записочка: «Теперь ты, Слава, член ОСВОДа, занеси 50 коп. Пузынину». Открываю книжечку, смотрю, якоря какие-то нарисованы. Зачем это мне, думаю? Отнес 50 копеек. Или еще: был на днях в нашем Министерстве на комиссии пользователей БЭСМ-6. Иду по коридору, вижу объявление: «Тогда-то и тогда-то отчетно-перевыборное собрание военных охотников». Спрашиваю одного: а на кого

же это охотятся военные охотники? «На гражданских», — говорит, и ушел. И мало ли еще что люди сообща делают. Строят, например, кооперативно. Но все это чаще всего вредно для здоровья или дорого. А вот не скинуться ли нам и не построить ли финскую баньку? Где-нибудь при садах и чтобы Волга рядом, и чтобы потом прямо без ничего — и в речку? И чтобы было как в § 3 инструкции по финской бане: «На полке возможно и даже желательно основательно поколотить веником своего соседа, друга или жену, что в этих условиях полезно обоим».

Скинемся, товарищи, по рублику? Деньги можно сдавать М. Кулюкину в ЛЯПе или мне и Л. Кулюкиной в ЛВТА.

ДУБНА В ГОДУ... 1981-М

«...Направляемся к гостинице «Дубна», идем по улице Векслера к магазину «Рассвет», и здесь нас удивляет своей неожиданностью событие, которое не укладывается сразу в наше сознание...»

(Из заметки «Дубна в году... 1980-м»
в газете «За коммунизм» от 9 января 1976 г.)

Есть у меня в Дубне дружок один, Роберт Малышев. На Векслера живет. Давненько я у него не был, с 78-го года, а то, бывало, часто летом навещивался. Квартирка у него не ахти, да вид какой: в лоджию выйдешь — Волга, пароходики беленькие... Плавки оденешь, полотенцем кой-как прикрылся, по лестнице прошмыгнул, через дорожку — а там уже все такие. Детишки голенькие по травке за бабочками бегают и девушки такие загорают, что только зажмуришься — и ходу. Говорят, тут лет двадцать пять назад то ли дома какие-то административные были, то ли бараки, не поймешь что, но потом все снесли, все почистили, травкой засеяли, деревьями засадили (Роберт говорил — сам тоже сажал, своими руками) — и стало вот так хорошо. Машин, конечно, никаких (разве что пиво к пляжу подвезут).

Прикупил я винца с собой, колбаски (в Дубне с этим делом не очень-то), к вечеру поехал. Посидели мы хорошо, гу-

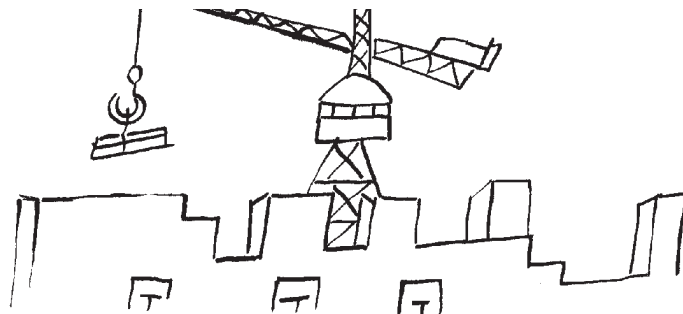

лгать уж никуда не пошли, а только до постели. На другой день проснулся я позднеенько, все уже на работу ушли, чувствую — головка тыковой, самое дело сбегать окунуться. У дома никого быть не должно (день-то будний), я даже и полотенца брать не стал, а плавки натянул кое-как — и из подъезда, да налево, через дорожку. И уперся. Что, думаю, за черт, то ли перебрали мы вчера, то ли чего. Стоит два ряда мужиков каких-то, все при галстуках, и кто вдаль смотрит, кто на меня прямо, да строго так. «Вы чего?» — спрашиваю. А они хоть бы хны. Пригляделся я — таблички около них какие-то, а у самого солидного написано: «Главный архитектор г. Дубны Б. Сафонов». Я пальцем его потыкал — а он каменный! Вон и доска, оказывается, — «Аллея выдающихся людей нашего времени». Фу, ты, господи, а ведь как живые... Только, было, я дальше, а один из них разворачивается и — ко мне. Тут уж я совсем обомлел. Костюмчик на нем синенький, фуражка. Батюшки, да ведь это милиционер!

— Гражданин, — говорит, — здесь административный корпус, иностранцы, дирекция, а вы в таком виде.

— Извините, — говорю, — мы вчера с товарищем встречу отмечали, так что сами понимаете...

Ну и назад. Это ж надо, думаю, как же я к административному-то попал, вроде это совсем в другой стороне. Действительно, машин, смотрю, стоит сколько, специальную площадку отгрохали для них. Это что, скверик они что ли с голубем (фонтанчик такой там был) снесли? А домина-то какой, домина-то! Перестроили, значит, административ-

ный-то. Ну и правильно, а то был у них самый большой в мире ускоритель и самый маленький корпус. Теперь, вишь, наоборот. А вон и фонтанчик с голубем, все правильно. Только вот бассейн откуда-то взялся, не было его раньше. И опять табличка — «Площадь Науки». Определенно влево я забрал. А тут мимо меня кортеж — фрр!.. Сплошь «Чайки», еле я успел за деревцо отскочить. Ну, думаю, как это я теперь в плавках-то да босиком через полгорода?

Побежал трусцой, пусть думают, что тренируюсь или бег ради жизни. Только затрусил, гляжу — школа № 8. Это как же так, я ж не Борзов, вроде, как же я это успел-то? Тут уж я рванул во всю, лишь бы до воды, налево-направо не смотрю, на дамбу выскочил, сейчас на песок, да чуть и не покатился, еле затормозить успел: песочек-то тью-тью! Гляжу — набережная каменная, отвесная, слева, не так, чтобы далеко, вроде Крымский мост. Это что ж, это на Москву-реку, что ли, меня угораздило? Говорил же Роберту, не надо с пивом мешать было... Как я про пиво-то подумал, тут и осенило меня. Пивбар проверить надо! Если и его не найду — все тогда, значит — не в Дубне я.

Как я туда добежал, и не помню, гляжу — вон он, родимый, никуда не делся! Прямо от сердца отлегло... Только зачем-то бульдозеры взад-вперед ездят, и толпа... Все руками машут, у кого кружка пустая в руке зажата, у кого — вобла, крик стоит. Пробился я к середине, а там трое, спина к спине, и головы портфелями прикрывают. Ну, думаю, худо дело. Кинулся я обратно в аллею эту, с выдающимися.

— Товарищ милиционер! — кричу. — Там дяденек каких-то троих с портфелями у пивбара бьют!

— Вы бы, — говорит, — гражданин, сначала разобрались, что к чему и за что, а потом паниковали. Архитекторы это, трое-то. Бар сносить хотели. Мало им, что здесь все перепали!

И кобуру почему-то потрогал.

Ну и дела тут у них в Дубне, думаю. Побежал я домой опять к Роберту, ждать уж их с работы не стал, вещички собрал и на электричку. Поезда с креслами и ждать не стал — может, еще в Серебряный бор смотаться успею, искупаться. Если его не снесли еще, конечно.

Приезжий

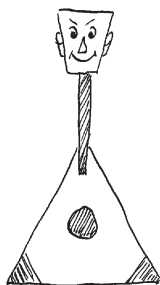
ЧАСТУШКИ

К СМОТРУ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОИЯИ

Было б очень интересно
Всем ребятам из двора:
Расскажи, папаша, честно,
Как живут в ЛВТА?

Будь я в НОГУСе аль в ЦЭМе,
Я б и горюшка не знал,
В основном на этой сцене
Я б частушки распевал.

А чего ж нас уверяют,
Хоть у каждого спроси,
Будто все за вас решают
БЭСМы-6 да СИДИСИ?

СИДИСИ-то СИДИСями,
Все равно делов завал,
Я и вас-то, между нами,
Второпях понарожал...

Что ж, выходит, врут ребята,
Али как тогда понять,
Будто ходят кандидаты
В ОРСе пиво разгружать?

Ой, не верьте вы, ребята,
Это, братцы, все мура!
Ходят в ОРС не кандидаты,
А членкор да доктора!

А куда ж глядит начальство,
Чтоб такое допускать?
За такое разгильдяйство
Не пора ль с работы гнать?

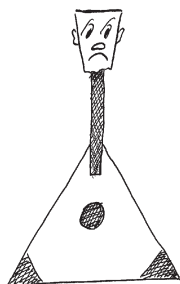
Вы ж не маленькие вроде,
Чтоб такое говорить.
Разве можно при народе
Так начальство поносить...

Это нас не беспокоит —
Мы к вам вряд ли попадем.
Ведь пока вам корпус строят,
Мы на пенсию уйдем!

Мы должны теперь признаться,
Что сумели мы понять:
Чем наукой заниматься,
Лучше пиво разгружать!

* * *

Вызывают, вызывают,
Все ладошки отобьют,
А жюри позаседает —
Ой, призы ЛЯПу отдают...

Говорят, за перво место
Сильно Батусов кричал,
Потому что их директор
Эх, сам на сцене выступал...

Их, конечно, ублажили,
Место первое — у них,
А второе разделили
Ой, как бутылку, на троих!

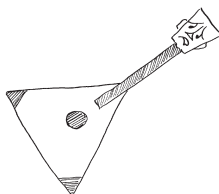
Ну а мы где промахнулись
Откровенно говори!
Али мы не приглянулись
Эх, председательше жюри?

Председательша сказала,
Что поем мы ерунду,
Что она уж все слыхала
Ой, в шестьдесят седьмом году...

Мы, папаша, сплеховали:
Был бы приз наверняка,
Если б раньше записали
Эх, выступление в план ДК!

Выступать, конечно, лестно,
Да задаром кто ж пойдет?
Вот пускай за перво место
Эх, лучше Батусов споет...

Хоть сто раз нас вызывайте —
Мы по-тихому уйдем,
А иначе, так и знайте,
Ой, не такого напоем...

Н. Н. ГОВОРУНУ ОТ ДЕТЕЙ В ЧЕСТЬ 50-ЛЕТИЯ

Дядя Коля, в этот день своего рождения,
В полстолетний юбилей
И от маленьких друзей
Примите поздравления!

Мы давно знакомы с Вами.
И хоть Вы уж старенький,
Но играете Вы с нами
Все равно как маленький...

Не только физик, программист,
Но и в другом специалист:
Ведь Вы троих детей отец —
Вот какой Вы молодец!

Только жалко, что в семье
Редко ты бываешь.
Целый год по всей стране
Где-то заседаешь...

И в науке, и везде
Всем известно стало,
Что таких, как Вы, в Дубне
Раньше не бывало!

И решили все, не споря,
Дети нашего двора:
Вам давно уж, дядя Коля,
В академики пора!

010101 ≠ 25

К ЮБИЛЕЮ ВЫЧИСЛИТЕЛЬНОГО ЦЕНТРА МГУ

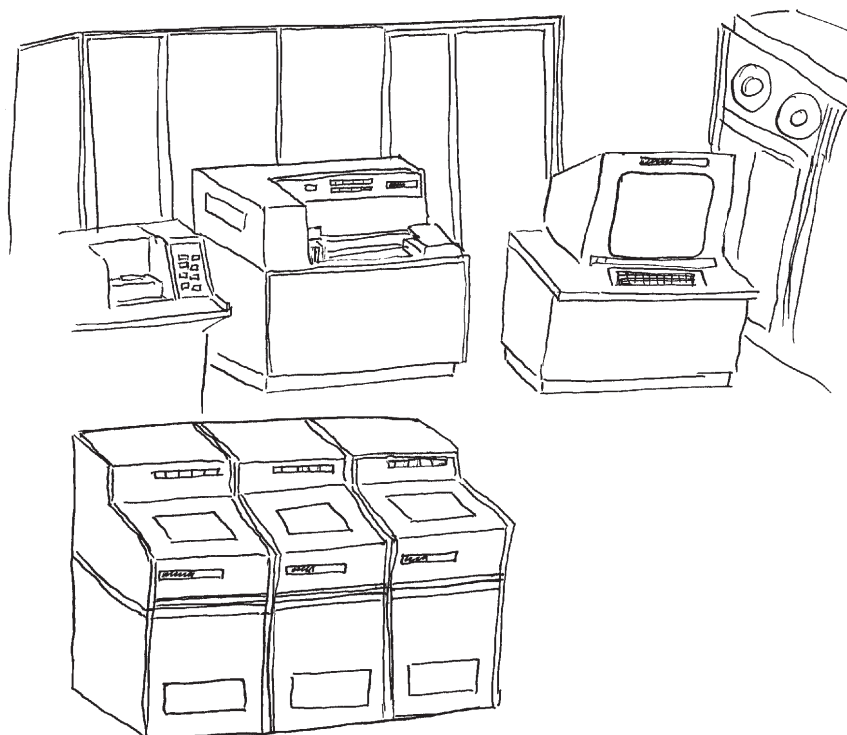
Подумать только, Центру — 25!
И тем из нас, кто раньше в нем считали,
Сейчас приятно вспоминать
Как было и с чего мы начинали...

Теперь ведь как? Наверно, с километр
Между тобою и машинным залом.
Сидишь, как сирота, за терминалом,
Считаешь две минуты — и привет!
Всегда найдется веская причина:
То сбой ВУ, то мест на дисках нет,
То шифр не тот, то занята машина!

А сдашь колоду — после сам не рад:
Сдавай хоть десять раз подряд,
К утру напишут: выкинул ДИСПАК.
И выкинет-то, в общем, просто так!
Вот наш диспетчер так не поступал.
Плохого отношения к студентам
диспетчер Трифонов себе не позволял,

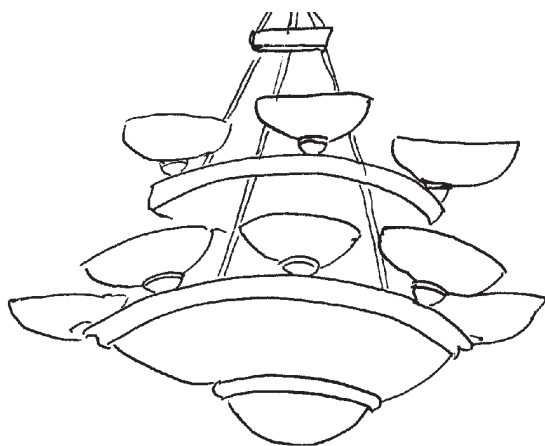
Он память виртуально не делил.
Такую-то тогда бы и не взяли:
Кому приятно, чтоб по 3 часа
 в таймшэринге подкачкой мордовали.
Он если две минуты отвалил —
Ты твердо знал: дает не кое-как,
На это время — вся твоя машина!
Нет, что ни говори — ДИСПАК и есть ДИСПАК,
А Трифонов был правильный мужчина...

Студент сегодняшний поверит нам едва ли,
Что нас тогда в машинный зал пускали!
На что уж Барабашкин грозен был,
Ведь инженер, а юзера любил —
Он только баловства не признавал.
А с некорректно-то поставленной задачей
Он точно уж с машины бы погнал!

Сейчас, конечно, куча БЭСМов-6. Вагон ЕС,
И даже вроде есть
Сверхмощная машина АС-6,
И матобеспечение, и т. п.
Всего не уместить в одном машинном зале.
Подумаешь — и как мы успевали?
Стрела, Сетунь — вот вся и СКП.
Из матобеспечения — ССП, которую ИЭСовцы ругали,
А Валя Воеводин защищал,
Причем в отместку, если приставали,
Стандартные программы не давал...

Мы вам раскроем маленький секрет.
Мы знали то, чего теперь уж нет:
Чтоб быстренько решать научную проблему,
Какой бы она сложной ни была —
Тут вовсе СКП и не нужна,
А просто, как и в наши времена,
Всем нужно знать двоичную систему!

ЭТИ ЖЕНЫ...

Ты пойдй посмотри, какую Астахова люстру купила! — сказала жена и посмотрела так, что я подавился пивом. — Хозяин...

— За полчаса повесил! — гордо сказал Астахов, отлепляя от штанов куски клейкой ленты. — Давай, Шириков, ставь бутылку — и тебе повешу.

Люстра висела как-то боком, в ней горело три лампочки из шести, но все равно это с моей одной лампочкой было не сравнить, и я пошел в магазин. На шесть лампочек я брать не стал, а присмотрел как раз на три, тем более продавщица сказала, что можно их зажигать по выбору: хочешь одну, хочешь две, а хочешь три сразу. Там, правда, почему-то торчало очень много проводов и все они были как-то перепутаны, но я у инженеров к этому привык и потому все равно взял. Астахов сказал, что это все ерунда и распутал как надо. На всякий случай мы все-таки повытаскивали пробки, Астахов полез под потолок, а я ему все подавал, так что за час мы кончили. На радостях врубили все сразу и пошли на кухню, раз такое дело, но там почему-то было темно и холодильник тоже отключился.

— Странно, — сказал Астахов задумчиво. — Это что-то с выключателем! Мы опять вытащили пробки, после чего

Астахов разобрал выключатель, а я ему все подавал, но тут его почему-то стукнуло, правда, не сильно.

— Значит, в фазах дело! — сказал Астахов. Мы тогда люстру сняли, и он обратно запутал как сначала было, только наверное не все мы вспомнили, потому что холодильник все равно не включался. Тут пришла Астахова и сказала, что надо иметь совесть, и тогда мы решили все это отложить на завтра, они ушли, а я, когда пошел руки мыть, то увидел, что в ванной тоже света нет. Я тогда пошел и все эти провода лишние в люстре пообстриг ножничками, оставил только для одной лампочки, и везде у меня все опять прекрасненько загорелось.

После этого было тихо месяца два, пока случайно не пришла Астахова и не увидела, как я выкручиваю белье из нашей стиральной машины.

— Что ты мучаешься, Ширикова, с такой машиной? — спросила она, хотя Ширикова в это самое время причесывалась перед зеркалом. — Пойди посмотри, мы «Эврику-1» купили, сейчас как раз Астахов стирает, так она практически все сама делает, все операции!

— Сколько у нее проводов? — спросил я, но потом решил, что в крайнем случае я ей лишние операции всегда успею пообрывать.

Еще из-за двери слышно было, что чего-то вроде молотилки у них там работает. Смотрю, Астахов сидит на машине, а из нее по шлангу вода так и свищет.

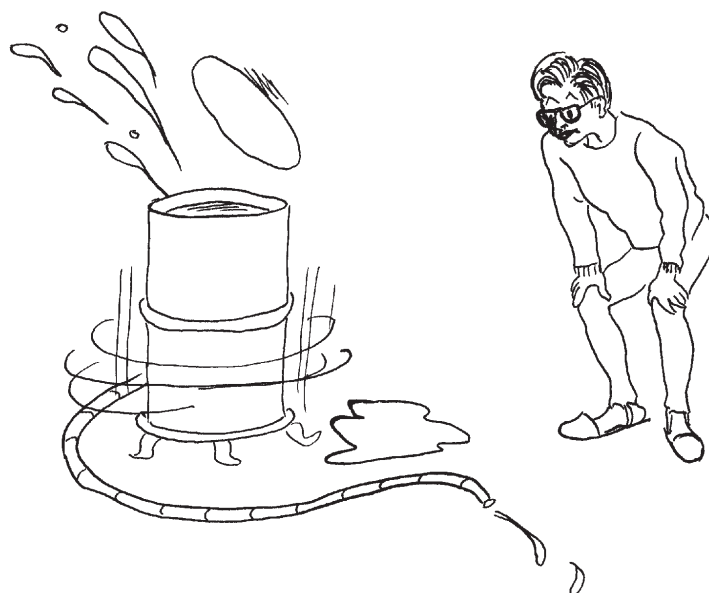
— Ты чего? — спрашиваю.

— Отжим идет, — говорит, а сам руками об нее оперся и так это подпрыгивает. Я этому значения не придал и пошел в магазин, а там «Эврика-3» стоит и написано, что это вообще распоследняя модель. Провод оказался один, а шлангов вообще никаких не видно. Вот, думаю, утру нос Астахову.

Шланги, правда, все-таки обнаружились уж когда я дома включать ее стал: их, оказывается, внутрь засунули. Зато гнутые такие, это чтобы, значит, за ванну цеплять. Удобно. Ну, я их как надо навесил, все чего стирать внутрь покидал, воду налил, стал паспорт читать — действительно, все дела-

ет, только надо за уровнем воды следить. По указателю. Стал я этот указатель искать — нет и нет, хотя помню, что тогда Астахов вроде на нем именно и сидел. Потом гляжу — вон он, у пола. Вот черт, думаю, это что же, это ж ложиться надо, чтобы за ним следить? Все же включил я всю эту систему, слышу — вроде часы внутри тикают. Не рвануло бы, думаю. На всякий случай отошел, но все обошлось, и как она выключилась, я ее ручкой такой раз! — и на слив поставил, а у меня все шланги-то с ванны и посыпались. Профиль у них не тот оказался. Я их к ванне кое-как привязал, воду подтер, думаю, дай проверю, как там у меня с уровнем. На пол лег, а сам ее ручкой раз! — и на отжим. Тут-то она на меня и прыгнула... Как я от нее увернулся — и не помню, а она по всей ванной скачет, куски от нее какие-то летят. Понял я тут, почему Астахов на своей «Эврике» верхом сидел, а ведь моя-то и вовсе усовершенствованная... Хорошо — до провода дотянулся, как рвану — тут она мне последний раз наподдала и успокоилась.

Плитку, конечно, на полу в ванной пришлось перестилать, но зато опять в квартире все тихо. Вот уже месяца два как тихо...

ЦВЕТ МАРЕНГО

Владислав Павлович, срочно к Михал Григорьевичу! — по тревожным интонациям в голосе Валентины Семеновны я понял: «Случилось что-то серьезное».

В кабинете директора стояла напряженная тишина. Плотной кучей сидели все начальники отделов и представители общественных организаций, но одно из четырех кресел, на которые все обычно кидаются как ошалелые, было на этот раз пусто. «Не к добру это», — подумал я.

— Садитесь, Владислав Павлович, ждем Вас! — сказал директор. — Мы вот тут посоветались и решили назначить Вас председателем комиссии по приемке помещений в новом корпусе. Вам туда первому въезжать! Посмотрите там заранее как и что, месяц же остался до сдачи! Особенно меня конференц-зал беспокоит, надо же отделку посмотреть, поправить строителей, если что не так! Ковер, например, нужен теплых тонов! Красный лучше. Возьмите в комиссию женщин со вкусом, вот Галину Аркадьевну Маханькову, например!

— Не пойдет она... — мрачно буркнул Маханьков.

— Что значит не пойдет! — повысил голос директор. — И вы пойдете, и Злобин, и Карлов! И вы, Сергей Александрович, на время отложите свою диссертацию!

— Какие у меня будут полномочия? — встал я.

— Считайте, что у Вас чрезвычайные полномочия, Владислав Павлович. Чрезвычайные!!!

На следующий день в 10 часов утра комиссия в полном составе собралась перед входом в новый корпус.

— Ты куда меня привел, Вова? — строго спросила Галина Аркадьевна. — Не мог предупредить? Я же в модельных туфлях.

— Вы знаете, здесь лифт по плану должен быть... — засуетился Александр Дмитрич и уверенно нырнул в боковой проем. «Не входи — убьет!» — увидел я надпись над проемом, но промолчал: у меня со Злобиным были старые счеты за гражданскую оборону.

— А-а-а!!! — раздалось из проема, что-то прошумело и далеко внизу, в подвале, ухнуло. «Слава те, господи...» — подумал я.

— Нет там никакого лифта, — спокойно оказал С. А. Щелев. — Пошли так.

Наверху сильно дуло.

— Давайте сюда, тут теплее... — позвал Щелев. В огромном пустом помещении под потолком два мужика долепливали на стены какие-то плитки вроде пенопластовых, с дырками.

— Вот это и есть ваш конференц-зал? — спросила Галина Аркадьевна.

— Ну! — ответил Щелев.

— И какой же это, интересно, умник додумался так отделывать стены? Здесь же панели деревянные нужны! А цвет-то, цвет... Я бы понимала, если бы был хоть маренго... Это все надо убрать!

— Действительно, — сказал я мужикам, вспомнив про чрезвычайные полномочия. — Вы это зря все налепили. Вы это все уберите!

— Одни говорят — клейте, другие — уберите... — раздалось из-под потолка. И мужики начали отдирать плитку.

— А это тут зачем? — спросила Галина Аркадьевна. По полу тянулись какие-то канавки и лежали бухты кабеля. Сергей Александрович почесал в затылке и спросил:

— Слушайте, никто не заметил, на каком мы этаже?

— На втором.

— Ой, — сказал Сергей Александрович. — Это ведь не конференц-зал. Это машинный зал, а нам выше. Плитку-то они правильно лепили.

Мы быстренько вымелись из помещения, оставив Щелева объясняться с мужиками. «Мать, мать, мать...» — глухо понеслось вслед, но мы уже были этажом выше. Наверху нас ждал представитель ОКСа.

— Скажите, это конференц-зал? — спросили мы для верности.

— По-моему, да, — ответил представитель ОКСа и покраснел.

На месте капитальной стены здания торчали какие-то балки и рельсы, свободно открывалась панорама Дубны и ее окрестностей. Немного сбоку нависал бетонный выступ.

— Зачем это? — спросила Галина Аркадьевна.

— Здесь будет галерея над залом! — уверенно ответил представитель.

— А стенка на краю галереи зачем?

— Не знаю, — честно сказал представитель.

— Ерунда все это, — четко заявила Галина Аркадьевна. — Там надо сделать буфет и кафе. Установите легкие раздвижные перегородки для интима. Стены в кафе покрасьте в золотистые тона, а в самом зале — под цвет маренго. Ковер надо постелить зеленый.

— Директор сказал — красный... — засомневался я.

— У вас что тут, ночной бар что ли будет? В конференц-зале нужны светлые тона. Покажите, что здесь у вас еще.

Представитель объяснил нам, где сидеть переводчик будет, где будут отдыхать члены президиума.

— А, кстати, где у Вас... этот? — поинтересовались мы.

— Мест общего пользования на данном этаже не предусмотрено.

— Надо предусмотреть! — заявили мы и дружно пошли на выход.

Внизу ждал А. Д. Злобин. «Как?!» — в один голос воскликнули мы.

— А ничего, — бодро ответил Александр Дмитрич. — Там глубина-то небольшая вовсе, по плану больше!

«Халтурщики все-таки эти строители...» — расстроился я.

На днях меня и Щелева снова вызвали к директору.

— Ну как, товарищи, учли строители ваши требования? Все выполнено?

— Да нет, Михаил Григорьевич... — скорбно сказал Щелев. — Они вчера заявили, что неудобно им это, пусковой минимум из-за этого задерживается...

— Пусковой минимум, товарищи, задерживать нельзя. Пусть все остается по-старому.

— Ну что ж, — подумал я. — Зато я хоть теперь знаю, то это за цвет — маренго.

ОТЧЕТ ПО ПЕРВОМУ КВАРТАЛУ

Ну что ты все крутишься и крутишься?! — сердито спросила жена. — И пса выпусти! 3 часа ночи, а вы мне спать не даете!

Кобёл скулил уже давно: его покусали на собачьей свадьбе конкуренты, и он страшно переживал. У меня были свои проблемы: в 10 часов начиналось производственное совещание с отчетом по первому кварталу. Отчитываться было нечем: любимое дитя, концентратор терминалов ЕС-1010, капризничало и ничего не хотело делать. Из стойки концентратора несло горелой изоляцией. Скандалы с инженерами шли непрерывно. Начальник машины Аниховский В. Е. подвесил на собственных ботиночных шнурках внутрь стойки бытовой вентилятор «Ветерок», чтобы не так воняло. Отловить Аниховского было трудно: как председатель комиссии рабочего контроля, он разбирался с ОРСом, почему в магазинах нет простыней. С. А. Щелев пил чай с печеньем у секретарш и на все приставания спрашивал: «Ну и что?» Главный программист Галактионов в горе и тоске сидел безвылазно в моей комнате и выкуривал мои сигареты. В буфет ходить стало нельзя: там пил кофе представитель пользователей В. Ф. Никитин.

— Товарищи начальники! — сказал директор, открывая совещание. — Конец квартала! Я бы хотел пройтись по всем темам и посмотреть, как у нас с выполнением плана и вообще с разработками, которые ведутся уже много лет. Пора же их заканчивать, товарищи! Давайте начнем прямо с первой темы. Кто будет докладывать, Вы, Борис Абрамович? Или Владислав Петрович?

— Да там все в порядке, Михал Григорьевич. Были трудности, но сейчас все там о'кей... — уверенно пробурчал Щелев.

— А вентилятор?! — подскочил я.

— Ты когда был на машине, Шириков? — возмутился Щелев. — Заменяли уже его давно. Диодом.

— А канал, а адаптеры? Четыре штуки?

— Есть там все. Сегодня сделали...

— Надо бы Вам быть в курсе дела, Владислав Павлович, — покачал головой директор. — Давайте дальше пойдем, у нас 25 тем! По интеллектуальным терминалам как у Вас, Владимир Николаевич?

— Сделано четыре штуки и подключено, — встал Поляков.

— Куда подключено?! — заволновался я.

— К БЭСМ-6 подключено и к М-6000 подключено. Работают. «Вот черт, — подумал я. — Что ж это я, действительно... Когда же успели?»

— Давайте, товарищи, по автоматам теперь посмотрим, по АЭЛТ-2, по СИ. На Ученых советах претензии ведь были. Обработки нет, говорят! Шкуденков, Котов здесь?

— 50000 снимков за первый квартал померили и обработали, Михал Григорьевич, а Вы все ругаетесь! — возмутился Шкуденков.

— А Вы, Вадим Михайлович? Что-то у Вас там со спиральным измерителем...

— И мы 50000! А сейчас может и больше, пока я тут сижу. Может, 60000 уже!

— Ну, хорошо, хорошо... Как по вашим темам, Владимир Иванович, Николай Николаевич? Выходит, у всех нормаль-

но? У Вас как, Евгений Петрович, с Маханьковым и Пузыниным?

— У нас большой успех, Михал Григорьевич, жалко, что нет Маханькова, он на лыжах катается, но я за него скажу с его слов. Обнаружена квазигетерогенная инклюзивность у солитонов в γ -области банахового пространства при R -отображениях! И что самое интересное — она коммутативна! — и Евгений Петрович гордо огляделся. Все притихли.

— Да, товарищи... Квазигетерогенная инклюзивность, товарищи. Это, конечно... — Директор задумчиво смотрел в окно. — Что ж, поздравьте от моего имени Владимира Григорьевича... Ну что же, я рад, план мы выполняем, есть успехи, да... Не смею больше вас задерживать!

Прямо из приемной я кинулся на концентратор. В зале никого не было, воняло изоляцией. В обнаженной стойке мирно висел на шнурках Аниховского вентилятор. «Фу, ты, дьявольщина, сегодня же первое апреля!» — стукнул я себя по лбу. «То-то все так уверенно... Да, но ведь директору же... А с другой стороны, первое апреля... Врали или не врали?! И интересно, все или не все?»

ЛУЧШЕЕ СРЕДСТВО ДЛЯ ПОХУДАНИЯ

Вот говорят, чтобы похудать — бегать надо или на велосипеде; еще упражнения разные делать. А со мной лично вот какой случай недавно вышел...

Пиво в тот вечер в баре совсем жидкое было, мы с Иваном, дружкой моим, по четыре кружки всего и выпили, домой я засветло пришел, а тут, конечно, благоверная своего не упустит...

— Допьешься, говорит, своего пива! Посмотрел бы на себя в зеркало. Морда отвислая, животина какой стал! Ведро до мусоровоза по полчаса носишь. Врачам бы хоть показался!

Я, конечно, попервоначалу эти дурьи слова мимо ушей пропустил, но как спать ложиться стал, специально на живот внимание обратил. Действительно, гляжу, чего-то не то, даже пупок не сразу нашел, все сгладилось. Дай, думаю, схожу завтра хоть к участковому нашему.

Ну, с утра пораньше пошел это я в поликлинику. Очередина там оказалась побольше, чем в баре, я пока час простоял — с двумя мужиками поскандалил и с регистраторшей, чтобы без очереди не отпускала, только талончика мне все равно не досталось. Сказали, иди к дежурному терапевту, может, так пустят. Я, конечно, туда, бегом, очередь за одним мужиком занял, у него на 11 часов талончик был. По кори-

дорчику погулял, все книжечки на столах перечитал про глистов, про воспаления разные; к 11-ти опять к кабинету, а там, оказывается, только-только женщина зашла, у которой на девять тридцать назначено было. К часу еще до меня двое оставалось, так что зашел я только к двум, даже уже и есть расхотелось.

Врачиха еще минут десять чего-то писала, на меня ноль внимания, потом бумажку мне дает: нате, говорит, и через три дня на прием! Гляжу, а она больничный дает, и там ОРЗ написано! Я говорю: «Как ОРЗ? Я с животом вот, посоветоваться!» «Чего ж, — говорит, — вы молчали? Раздевайтесь!»

Ну, походила она вокруг меня, пальцем потыкала. «Что-то, — говорит, — не нравится мне это. Пятна какие-то на животе, синие. Идите-ка вы к дерматологу». Про дерматолога я сроду не слыхал, прием у него только на третий день был, я весь испереживался, на всякий случай анализов в баночки наклал, являюсь. От анализов он нос отворотил, раздевайтесь, говорит. И тоже на пятна мои синие уставился. «Сложный, — говорит, — случай. Будем класть на обследование».

Жена, дура, изревелась вся: «Предупреждала тебя, ирода! Допрыгался!» Сама меня в больницу отвела, дозналась, чего в передачи носить можно; сказали, пока не выяснится, ничего нельзя. Дело уж к ночи было, помыли меня, кое-как заснул.

Утром врачей пришла куча целая, еще практикантов каких-то привели, пятна мои смотреть. Я им только живот-то открыл, гляжу — а пятен-то и нет никаких! Тут меня и осенило, что это трусы мои краску давали, а как меня помыли вчера, так, конечно, все и сошло.

Из больницы меня, само собой, вытурили, и обратно к терапевту. Та меня сначала хотела к хирургу послать, но я не пошел, тогда она меня спрашивает: «Отчего это у вас все началось?» «От пива», — говорю. «Ну тогда направлю я вас к урологу!» Ладно, думаю, теперь уж мне все равно.

Уролог сначала с меня снимок снял и чего-то там углядел, но потом оказалось, что это пуговица заснялась, поэтому он подумал-подумал и говорит: «Пива вам надо побольше

пить, не меньше бутылки в день, тогда, если у вас там чего и есть, то само выскочит».

Ну что вы, товарищи дорогие, скажете? Ну не дуры эти бабы, которые жены? Я, конечно, с таким рецептом домой радостный пришел, и на работу тоже веселый явился, три недели ведь не был. Ивана встретил. «Тощой ты, — говорит, — какой-то стал. Живота-то, гляди, совсем не осталось».

А вы говорите — велосипед... Да лучше нашей поликлиники для похудения ничего нету!

ИТОГИ 1978 ГОДА

В прошедшем году, как всегда, наша лаборатория успешно выполнила и перевыполнила свои обязательства и пункты тематического плана. Я попытаюсь кратко охарактеризовать важнейшие из проделанных работ, а также те проблемы и трудности, которые возникали.

Большим успехом, который не ждали сами исполнители темы 1 плана ЛВТА, был ввод в опытную эксплуатацию первой очереди сети терминальных устройств на базе малой ЭВМ и БЭСМ-6. Проверяющей комиссии был продемонстрирован терминал Видеотон и даже предложено было его включить, но поскольку никто из членов комиссии этого делать не умел, то они задали только один вопрос: «Терминал-то тут только один... А где же сеть?» Ответственные исполнители первой темы тт. Щелев С. А. и Шириков В. П. задали резонный ответный вопрос: «А что, разве один терминал — это не первая очередь сети?» Члены комиссии для порядка еще погладили графопостроитель Дидиграф, стоявший по случаю рядом с Видеотоном, сказав при этом: «А вот это и есть малая ЭВМ? Какая красивая...» — после чего подписали необходимый акт.

Главной трудностью по теме 2 было не написание новых вариантов системного математического обеспечения для

БЭСМ-6, СДС-6500 и ЕС-1040, а перерасход командировочных средств. Исполнители темы гг. Шириков и Силин, даже не поставив в известность дирекцию, умудрились слетать в город Находку, да еще самолетом первого класса (т. е. с подачей 50 г коньяку). Когда несколько позже возникла трудность списания средств по командировкам в Алма-Ату, куда летало около 20 специалистов (точное количество и с каких тем — сейчас установить сложно, поскольку часть летала втайне даже от своих начальников отделов), то их также списали на вторую тему: ее исполнителям так и так должно было попасть. Туда же отнесли и стоимость проектора, подаренного кем-то из членов делегации хозяевам конференции (виноватого так и не нашли). Перерасход получился такой, что во всей лаборатории не осталось денег, чтобы оформить в начале декабря командировку в Серпухов начальнику ООФИ Морозу В. И., хотя все отлично знали, что переносить ее на январь уже нельзя: окунь на р. Протве к этому времени совершенно перестает бить. Мы все надеемся, что в 1979 году гг. Шириков и Силин сделают должные выводы из случившегося.

Главным достижением ЛВТА в 1978 году, о чем уже указывалось мною в газете «За коммунизм», стал результат работ исполнителей темы З (Карлов А. А., Приходько В. И., Поляков В. Н. + 18 человек), которые сделали-таки из дисплейной станции БЭСМ-6 на базе ЭВМ М-6000 «черный ящик», т. е. устройство, про которое никто не знает (и не должен знать), как оно работает.

Как всегда, отличился исполнитель тем 6 и 7 по массовой обработке снимков с помощью полуавтоматов и НРД Мороз В. И. Пригрозив сорвать лабораторное социальное обязательство, он попытался захватить для своего отдела резервную комнату на третьем этаже ЛВТА, но не учел, что эта комната записана за директором, поэтому был уплотнен сам.

Нам удалось также отчитаться и по обработке камерных снимков с помощью автоматов АЭЛТ и СИ. Самой главной трудностью было убедить дирекцию ОИЯИ, что виновата бухгалтерия, отнимающая у ответственных за эти приборы чуть

ли не 3 % машинного времени на БЭСМ-4 для расчетов зарплаты. Утешает только то, что два из этих трех процентов уходят на расчет зарплаты работающих на указанных автоматах, а то бы вообще никаких сил терпеть сложившееся положение не осталось.

Очень важные работы были проведены и по проблеме № 6: разработка прикладных методов вычислений, проводимая в основном отделом ОВМ. Некоторое осложнение возникло только при отработке алгоритма и составлении пакета для изучения взаимодействия солитонов (отв. Жидков Е. П., Маханьков В. Г.), что предусматривалось обязательством лаборатории. В. Г. Маханьков из-за большой загруженности обязанностями председателя месткома про это обязательство забыл, но в начале декабря вспомнил, и поскольку времени оставалось мало, он вынужден был повесить где можно объявления с вопросом: «Что такое солитоны?» Меткий, хотя и грубый ответ сотрудника того же отдела П. Акишина и был положен в основу соответствующей пункту обязательств публикации.

Немалый вклад внес и руководитель сектора этого же отдела А. А. Корнейчук. Досрочно разлив комплекс программ для исследования свойств сложных ядер и ядерных реакций (по теме 21), он в соответствии с приказом по ОИЯИ вплотную занялся подготовкой с помощью ЭВМ СДС-6500 должностных инструкций для своих сотрудников. Это позволило большинству других начальников взять у него копии и выдать их за собственные. Увлечшись этим делом, А. А. Корнейчук изготовил даже должностную инструкцию для своей жены, где обязал ее не реже чем раз в два года рожать ему либо сына, либо дочь.

Не меньшего, если не большего значения работы были выполнены в нашем отделе ОМОЭД. В частности, новый метод создания цепочки программ «Геометрия-кинематика» разработал руководитель тем 13,14 В. Г. Иванов: он включил просто-напросто в число исполнителей указанных тем и соответствующего лабораторного обязательства всех, с кем ему особенно много приходилось ругаться и кто мог ему навре-

дить больше всего при проведении работы, т. е. тов. Ширикова В. П., Безрукова Б. А. и Шелонцева И. И. Интересно, правда, что когда этим же методом воспользовались сами Безруков Б. А. и Шириков В. П., включив тов. Злобина А. Д. в пункт обязательств по машинному времени, то они аналогичного успеха не имели. Поэтому при оформлении похожего обязательства на 1979 год они решили заменить Злобина А. Д. на Кузнецова П. С., поскольку Кузнецов П. С. назначен ответственным за работу сотрудников ЛВТА на строительстве нового корпуса и уже обещал показать отделу НИОРЭМО (рук. отдела Шириков В. П.) кузькину мать.

Я должен здесь сразу отметить, что работа сотрудников ЛВТА на строительстве нового корпуса включена в число основных задач на 1979 год решениями Ученых советов по физике высоких и низких энергий, а также Комитета полномочных представителей. Тем самым в 1979 году нас ждет еще более веселая жизнь, чем в прошедшем, 1978 году.

НТС

22 марта с. г. в магазине на площадке ЛЯП ничего интересного не было, поэтому довольно организованно прошел Научно-технический совет ЛВТА, рассмотревший проект планов на 1978 год. Успешному и оперативному рассмотрению данного проекта содействовало полное или частичное отсутствие по разным причинам половины дирекции и части начальников отделов. Это позволило быстро решить большинство вопросов, поскольку их некому было задать. В частности, при рассмотрении темы № 1 сам собой отпал вопрос о типе мощной вычислительной системы советского производства (которую ЛВТА предусматривает приобрести для удвоения своей производительности), поскольку главный инженер тов. Щелев С. А. и начальник отдела ЭВМ тов. Безруков Б. А. в это время торговались в ресторане гостиницы «Дубна» с представителем фирмы СДС. Вопросы по теме «2» никто и не пытался задавать, изучив после скандала на Ученом совете повадку тов. Ширикова В. П. появляться через 40 минут после начала заседания. Некоторая дискуссия началась лишь при обсуждении темы «3» по поводу интеллектуальных терминалов. Ее, как и всегда, затеял начальник ООФИ тов. Мороз, спросив, кому это надо. Ответственный по теме тов. Поляков В. Н. обещал подумать, объяснив попутно,

что разрабатываемые ими терминалы чересчур интеллектуальны для того, чтобы их можно было подключить к нашим машинам. Пока НТС успокаивал разнервничавшегося Полякова, А. Б. Швачка успел прочитать план темы «4» по созданию системы проектирования печатных плат и сходу перешел к теме спиральных измерителей. Однако здесь выяснилось, что никто не знает, сколько в ЛВТА спиральных измерителей, поэтому вопрос замаяли. В связи с переходом к обсуждению тем обработки снимков на НРД и полуавтоматах, ответственный тов. Мороз В. И. пригрозил затаившемуся составу НТС, что здесь вопросов быть не может. Пока НТС не осмелел, тов. Карлов довольно легко отстоял проектор БПС-ЗУ и автомат АЭЛТ-2. Дополнительно повлияло и то, что никому не хотелось ввязываться в очередную дискуссию с сектором В. Н. Шкуденкова, зная, что это, как минимум, на 2 часа, а уже всем хотелось есть. Поэтому даже на вопрос И. Ф. Фурсова, зачем отбирается столько времени в мастерских, когда уже монтаж должен кончиться в этом году, просто махнули рукой.

Поскольку ни Н. Н. Говоруна, ни И. М. Иванченко + 12 чел. на заседании не было, то ничего про их онлайн-ские программы говорить не стали, а попытались было взяться за Л. С. Нефедьеву, тем более, что уже ходили слухи о полной передаче БЭСМ-6 под обработку спектров. М. Г. Мещеряков в отсутствие Л. С. Нефедьевой слухи отрицать не стал и даже упомянул И. М. Франка, однако на вопросы о том, как все это будет выглядеть, отвечал так туманно, что все успокоились и перешли к программному управлению ускорителями. Услышав формулировку по М-6000, А. А. Карлов уже совсем было собрался устроить небольшой скандал, но вовремя сообразил, что следом шла тема бесфильмовой регистрации, откуда за последние 2 года остальные члены дирекции уже успели повычеркивать свои фамилии, а он еще не успел. Он вспомнил также, как учил членов производственного совещания М. Г. Мещеряков: «Вы знаете, что гласит первый пункт устава американской армии? Не высывайся!» Однако А. А. Карлов за бесфильмовый съем опа-

сался зря: НТС вполне удовлетворился простым заявлением, что эта штука нигде в мире сроду не работала. Далее НТС столкнулся с целой проблемой, которую представляли В. Г. Иванов и примкнувший к нему Г. А. Емельяненко: проблемой методов и программ обработки. В. Г. Иванов со свойственной ему безапелляционностью заявил, что в 1978 году он покончит с программами для установок РИСК, МИС и СКМ-200, а Емельяненко обещал математически доказать, как было бы это сделать правильно. Председатель заседания не дал вспыхнувшей дискуссии превратиться в драку, сославшись на отсутствие главного ответственного по этой проблеме Н. Н. Говоруна.

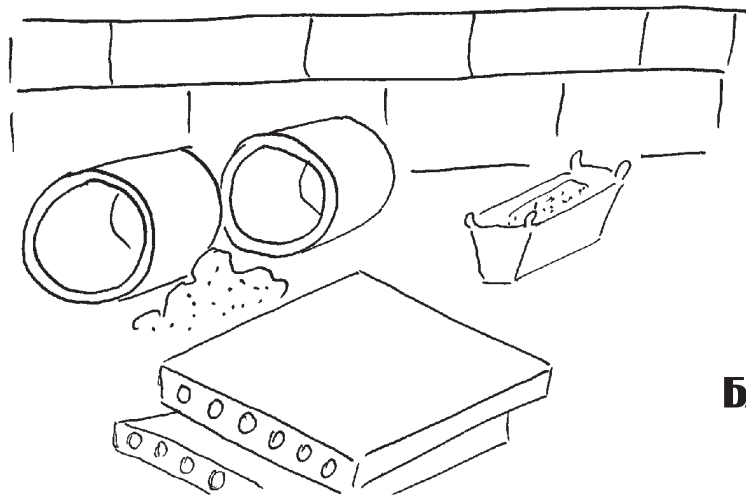
Когда после этого А. Б. Швачка стал читать про кластеризацию в пион-нуклонных и адрон-ядерных взаимодействиях при импульсах 40 ГэВ/с, весь состав совета, кроме ответственных за проблему исследований в релятивистской ядерной физике и физике резонансов, содрогнулся.

Уверенно держался только В. И. Мороз. Было такое впечатление, что ему наплевать на те несколько десятков тысяч этих самых инклюзивных спектров, которые записали на него в этой ужасной проблеме. Что ему, с его ПУОСаами, все нипочем и он этим спектрам покажет, где раки зимуют. А заодно и дирекции.

Покончив с облегчением с указанной проблемой, НТС рассмотрел намерения разработчиков прикладных методов вычислений из отдела Е. П. Жидкова. Они собрались еще немножко поприменять непрерывный аналог метода Ньютона, вплотную заняться плазмой, солитонами, исследованиями свойств сложных ядер и т. д. Никаких сомнений в серьезности этих намерений у НТС возникнуть никак не могло: по предыдущим годам НТС знал, что если на голову Ньютона упало всего одно яблоко, то на отдел Е. П. Жидкова свалилось их столько, что неясно, куда смотрит Е. М. Баринов. Совет только удивился, зачем в эту проблему затесались тов. В. П. Шириков с Р. Н. Федоровой и зачем им отвечать за аналитические вычисления интегралов Фейнмана, поскольку раньше за ними ничего такого не замечалось. Услышав,

однако, про Д. В. Ширкова, Совет сочувственно промолчал. Заодно он не стал на всякий случай возражать и против намерений сектора В. С. Барашенкова учесть эффект уменьшения ядерной плотности. Обострившееся чувство голода и уважение к работам группы Г. Н. Тентюковой содействовало единогласному одобрению работ по АСУ и материально-техническому снабжению ОИЯИ. НТС даже не воспрепятствовал распространению Д. Д. Арнаутова с его информационно-поисковой системой на БЭСМ-6. Под конец дошло до того, что НТС сгоряча разрешил В. Н. Шкуденкову обрабатывать для Аэрофлота полетную информацию, возможно, недооценив, что это может привести к очередному удорожанию билетов на самолеты. Голосование за утверждение планов было единогласным. Окончательный итог заседанию НТС подвел в разговоре с С. А. Щелевым председательствовавший на этом заседании директор ЛВТА М. Г. Мещеряков: «Вы вот там, кто в ресторане сидел, кто где, а я за вас отдувался!»

БАБЫ

Они прошли на кухню, не снимая сапог. Я с тоской глядел, как на вымытом только вчера полу оставались цементные следы.

— Дай-ка нам водки, Шириков... — хрипло сказала Сердюкова. Кряхтя и потирая обветренные лица, они уселись за стол.

— Ну как там... на стройке-то? — осторожно спросил я.

— ... — коротко ответила Ширикова.

— Как?! — не поверил я своим ушам.

— ... — так же коротко подтвердила Сердюкова. — Сегодня плиты таскали, машину цемента разгрузили...

Они уверенно выпили по первой и полезли грязными пальцами в капусту.

— А что, мужиков-то там нет, что ли? — осведомился я.

— Да ходят там всякие в шляпах, мать их... — нехотя обронила Ширикова. — Толку-то от них...

— А один там все пишет, пишет... Целый день пишет! — хохотнула Сердюкова. Они покачали головами и хлопнули по второй. «Что делается... — ужаснулся я. — Когда лук в «Дубне» развешивали, и то лучше было, а тут всего вторую неделю на стройке, а уж как мужики стали... Сейчас ведь

по третьей выпьют — и про баб... А мне своих отдельных тоже с понедельника посылать».

С обеда я, расстроенный, пошел прямо к директору.

— Что же это делается-то, Михал Григорьевич?! — начал было я. — Мужчины мы или не мужчины?!

— Вы знаете, Владислав Павлович, — мгновенно среагировал директор. — Я сам такие вопросы не решаю. Вот давайте пригласим членов дирекции, представителей партийной, профсоюзной организации, — коллегиально давайте! Вален-

тина Семеновна! Запишите: завтра в 12 часов совещание! Вызовите Щелева, Злобина, Карлова, Безрукова, Говоруна, Маханькова найдите, а то он постоянно уклоняется!

«Что ж я один-то против них сделаю... — в тоске думал я, выходя из приемной. — Мороза Владимира Ивановича что ли позвать, он вроде скандалить умеет, да и женщин у него тоже навалом...»

На третьем этаже толпа мужиков пыхтя и тихо матерясь волокла по коридору чего-то просмотрное. Мороз подавал команды.

— Володя, — проникновенно начал я, оттеснив его в сторону. — Ты приказ видел?

— На стройку, что ли? — весело спросил Владимир Иванович. — Ну и что?

— А разрядка?! — заволновался я. — Ведь по 30 человеко-недель!

— А вон видишь? — кивнул он на мужиков.

— Твои, что ли? — ахнул я. — У тебя же одни женщины вроде были!

— А реорганизация? — хитро подмигнул Владимир Иванович. И тут я сообразил, наконец, чему Мороз так радовался, когда ему передавали сектор Котова и сектор Скрыля. Оставалась последняя надежда, и я пошел к Безрукову: скандалить он не умел, но тоже всегда жаловался на приказы.

— Боря, слушай, давай вместе, ведь что за безобразие... — начал было я и осекся: Боря так виновато смотрел в сторону, что я сразу вспомнил, в каком он теперь положении и чья виза на последних приказах стоит одной из первых.

— ... В чем дело, товарищи? — начал директор, открывая заседание. — Вот Владислав Павлович мне непрерывно жалуется, что ему некого посылать на стройку!

— Вечно эти математики жалуются! — возмутился Щелев. — Не все, правда, вот Евгений Петрович выделил Широкову и Сердюкову, а Широков до сих пор списки не сдал!

— А, может, не стоило, Сергей Александрович, посылать доктора наук Сердюкову со сломанной ногой на стройку? — задумчиво спросил директор.

— Не знаю, — буркнул Щелев. — Мое дело, чтоб мне списки сдали. Согласно приказу по институту и вашему распоряжению!

— А приказ по институту правда был? — и директор строго посмотрел в мою сторону.

— Номер 9337/80! — быстро доложил Злобин. — Номер указан в вашем распоряжении.

— Принесите мне приказ номер 9337/80, Валентина Семеновна, я хочу еще раз посмотреть!

Директор долго вчитывался в принесенную бумагу. Все молчали.

— Что вы мне даете, товарищи?! Это ж совсем другой приказ, о новом порядке расходования материалов! В чем дело, товарищи?!

— Ну ошиблись с номером при перепечатке, ну подумаешь... — заворчал Щелев.

— Знаете, что, Владислав Павлович, — и директор встал. — Я тоже думаю, что приказ все-таки был. А приказы надо исполнять, чего бы там дирекция ни написала. Что же мы можем сделать?!

... В субботу я поеду в Иваньково, на ту сторону: прошел слух, что в гастрономе на горке опять появилась водка...

Я ПРЕПОЧЕЛ БЫ ЖИТЬ В XVI ВЕКЕ

Я предпочел бы жить в XVI веке. Вы спросите, почему? В мире было спокойнее. Во-первых, число Твидлдумов и Твидлди, готовых воевать из-за погремушки, было несравненно меньше, чем в XX веке, а войны, если и были, то были похожи на Московское чаепитие: долгие и спокойные. Леса возле городов были чисты, потому что не было консервных банок и газет, а воздух не был как в керосиновой лавке. Почти не было часов, и люди не спешили. Люди не знали, что существует столько болезней, как они это знают сейчас. Да и не было сахара, чтобы портить зубы; сигарет — чтобы портить легкие; кофе — чтобы портить сердце; чая — пищевод; водки — желудок (но зато была красная икра — а где она сейчас?); не было коротких плащей, чтобы простуживать колени, и высоких каблуков — калечить ступни, и, наконец, лыж — калечить спину.

А бытовые заботы? Разве было бы их у меня столько тогда? Забот по хозяйству у меня не было бы совсем, ибо ни о какой эмансипации женщин не было и речи. Не нужно бриться; не нужно гладить брюк: нигде в мире не носили складок на брюках. Математикой мне было бы заниматься значительно легче: по моей отрасли дифференциальных уравнений тогда только кое-что сделал Лопиталь, но по-

сколько не было реферативных журналов, то об этом никто бы и не узнал. А то, что не было бы столько книг — так это хорошо: я бы не носил из-за них очков.

Вы скажете, что многого тогда не было. Не было телефона, радио или кино — такая ли уж это потеря? Да и зачем было бы нужно кино? Говорят, нам необходимы фильмы о современности. Но ее ведь еще не было в XVI веке. А то, о чем показывают сейчас исторические фильмы — это же можно было видеть воочию. Вы скажете: транспорт! Ну что ж? За последний месяц, например, я ни разу не воспользовался ни одним видом транспорта — и ничуть от этого не страдал. А уж если говорить о дальних поездках, то XVI век — удобнее. Попробуйте сейчас съездить во Францию. Через три месяца в XVI веке вы бы уже гуляли по паркам Тюильри, а в XX веке только-только пройдете проверку в пятой по счету инстанции и вам станет ясно, что вас, пожалуй, никуда не пустят.

Не было, правда, тогда картошки, футбола и кое-чего еще. Но это уже мелочи, которые не изменили бы моего решения.

СТРАШНЫЙ СОН

Я только что вернулся из отпуска. Жена с Безруковым была где-то на конференции в Гааге, и я, подремывая на диване, размышлял, где мне сегодня пообедать, когда раздался телефонный звонок и уверенный мужской голос произнес: «Послушайте, Владислав Павлович, у нас производственное совещание, а Вас нет! В чем дело?» «Бегу», — ответил я и в задумчивости положил трубку: по интонациям мне показалось, что звонил Михал Григорьевич, чего вроде бы не должно было быть, обычно он вызывает нас через Валентину Семеновну.

В кабинете директора было полно женщин, сидела почему-то Роза Ивановна Гайдамака, а на директорском месте — Валентина Семеновна. Говорили все сразу. «Это не проблема! — перекрывал остальные голоса уверенный голос Лидии Семеновны Нефедьевой. — Боголюбов мне сказал: Лидида, не волнуйся, все будет сделано!» «Это не так надо было делать! — громко возражала кому-то Роза Ивановна. — Надо было нано-

свить фигурную линию вытачки ближе к пройме, а основную вытачку закрыть, иначе кокетка никогда не получится!» «Девки, — вмешался я. — Вы чего тут делаете? Тут производственное совещание должно быть. Перенесли, что ли, куда?» Все замолчали и уставились на меня. «Вас долго не было и Вы не в курсе, — наконец с улыбкой заявила Валентина Семеновна. — У нас произошли некоторые изменения в составе руководства Института, лаборатории и отделов после того, как Лидия Семеновна была избрана вице-директором ОИЯИ. С приказом Вас ознакомят, а сейчас мы ждали Вас, чтобы всем вместе обсудить состояние наших производственных дел. Ну что ж, товарищи, пройдемся по нашим основным подразделениям! Как у Вас, Валентина Петровна, в отделе базовых ЭВМ?» «Трудно, конечно, приходится, — вздохнула Кретьова. — Сказала Щелеву, чтобы заменил вентиль в УВУ БЭСМ-6, а он спрашивает: а что такое УВУ? Емелин по старой привычке все грозит по шее дать. Механики в мастерских заперлись, не подступишься. Народ грубый, сроду такого не было, говорят, чтобы нами баба руководила». «Беда, конечно, с этими мужчинами, делать толком ничего не умеют, а гонору! Я Евгению Петровичу Жидкову говорю: ищите ошибку в операционной системе БЭСМ-6, вот Вам неделя сроку на эту работу, — а он мне: «Если ошибка существует, ее всегда за день можно найти непрерывным аналогом метода Ньютона!» Прямо как дети...» — вздохнула Ольга Николаевна Ломидзе. «А как у Вас, Елена Серафимовна? Вы ведь у нас теперь курируете фильмовую обработку!» «С Морозом трудно, — вздохнула Е. С. Кузнецова. — Переживает. Старается, а все равно вчера больше двух треков за час померить на ПУОСе не мог. С горя сдружился с Котовым и Шкунденковым, что они там на троих теперь соображают, уж не знаю, как бы у нас обработка снимков вообще не загнулась». «Трудно, трудно с мужчинами, — поддержала Валентина Семеновна. — Вот у меня даже с секретариатом проблемы: Михал Григорьевич — тот еще ничего, исполнительный, но посетители жалуются — грубит. Николая Николаевича никогда на месте нет, а Александр Андреевич Карлов простого мате-

риального пропуска выписать до их пор не научился, все жалуется что это для него дело новое, что надо его на полгода в ЦЕРН послать, у тех секретарей поучиться». «У Вас, Владислав Павлович, тоже на машинах непорядок: без поллитры, говорят, задачу не пропустить через операторов», — укоризненно заметила Валентина Семеновна. «В смысле?» — удивился я. «Вы сходите на машины, сходите. Там состав весь поменялся на мужской, сколько же можно женщинам в смены ходить! Кстати, Тамара Ивановна, с Валентином-то Иванычем Приходько у Вас конфликт кончился?» «Кончился, — кивнула Смолякова. — В телеателье ушел. Надоели, говорит, мне ваши интеллектуальные терминалы, ни фига они с ЭВМами не работают, я их там так переделаю, чтобы хоть первую телевизионную программу принимали». Тут как Роза Ивановна крикнет: «Да еще раз говорю: не получится так кокетка!» Я и проснулся. Телефон звонил не переставая. Еще не опомнившись, я схватил трубку и услышал голос Валентины Семеновны: «Владислав Павлович, а я думала, что Вы на работе, а Вы дома! А у нас в 15-00 производственное совещание и Михаил Григорьевич Вас приглашает!» «Господи, ну и признится же такое», — с облегчением подумал я.

СОБАЧЬЯ ЖИЗНЬ

Я проснулся как от толчка. Жена в спешке натягивала на себя что попало. На часах было 3. «Что случилось? — подскочил я. — пожар, что ли?» «Песик дверь в подъезд открыть не может, а ты, конечно, делаешь вид, что ничего не слышишь!» — возмущенно заявила она, выскакивая в коридор. С улицы доносилось ленивое взлаивание кобля, явившегося с гулянки. «Мне бы не открыла...» — подумал я, накрываясь с головой одеялом...

Это началось три года назад. Астахов вернулся с какого-то очередного занудного собрания и пожаловался, что если он сейчас же не снимет напряжение, то за себя не ручается. Я не возражал, мы достали из холодильника бутылку и кусок ливерной колбасы по 64 копейки за кило, которую я случайно ухватил в Москве и берег до особого случая. «Ну, Астахов...» — начал было я, но в это время в прихожей раздались непонятные ахи и охи, и в кухню медленно вплыл здоро-

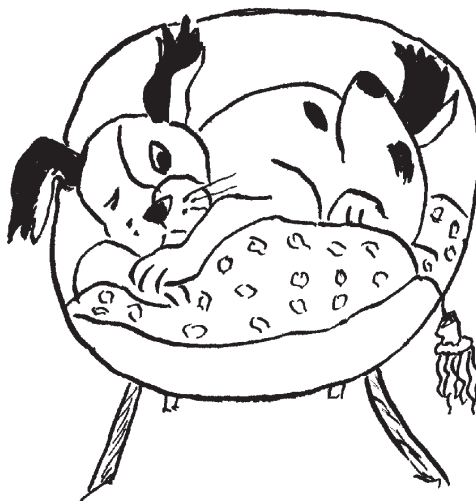

вый черный кобель с довольно нахальной мордой, сопровождаемый Шириковой и Астаховой. «Смотрите, какой к нам песик пришел! — причитали они. — Ах ты, миленький, голодный, наверное!» Ширикова стянула у нас со стола колбасу и стала совать ее коблу. Тот взял

кусок в пасть, покосился на нас, выронил его на пол, развернулся и медленно вышел из кухни. «Паразит», — сказал Астахов, задумчиво глядя на колбасу. «Брось, не стоит, — сказал я. — Может, он заразный какой. Огурцом обойдемся». Мы еще посидели, а потом пошли в комнату. Кобель лежал в моем любимом кресле, а Ширикова с Астаховой чесали у него за ухом и обсуждали породу. «Русский дворянин!» — метко определил крутившийся тут же Юрочка Астахов, за то и получил от матери подзатыльник. Мы плюнули и пошли проверять астаховский холодильник. Наутро, когда надо было уходить на работу, кобель еще дрых, а когда я хотел выпихнуть его из квартиры, то Ширикова заявила, что только через ее труп. Где-то в час мы пришли на обед, я отпер дверь и отлетел в сторону: мимо меня с воем пулей вылетел на улицу кобель. С внутренней стороны двери клочьями свисала обивка, а пол был усеян ватой и щепками. «Бедненький песик! — всплеснула руками Ширикова. — Ему на улочку хотелось!» Я сразу вспомнил, что было, когда я разбил ее чашку за 47 копеек, а за обивку я, между прочим, заплатил десятку. Кроме супа мне ничего не досталось, потому что надо было оставить покушать песику. На работу я пошел злой и сразу во дворе наткнулся на Валю Никитину, которая жена элвэ-эвовского Никитина. «А ваш песик у нас сейчас! — радостно объявила она. — Вы не беспокойтесь, я его покормила на первое борщом, а на второе он азу кушал! Ничего?» В сторонке стоял мрачный Никитин. Вечером, когда я пришел домой, меня уже ждали Астахова с Шириковой. «Мог бы и пораньше

объявиться! — сердито сказала Ширикова. — Песика мыть надо!» Я молча налил ведро воды и пошел на улицу. «Ты что, простудить его хочешь? — возмутились они. — В ванну его посадить надо, мы его тепленькой водичкой мыть будем!» Связываться с ними мне не хотелось, я позвал Астахова, и мы вдвоем зачихнули упиравшегося кобла в ванну, а сами ушли. Полоскали они его примерно час, после чего еще час отмывали ванну. Спали мы в эту ночь с Астаховым на раскладушках, потому что от Шириковой и Астаховой невозможно пахло псиной. Как выяснилось наутро, пес грубого обращения нам не простил: я полчаса искал на полу второй носок и обнаружил его только по пути на работу, на помойке. После работы мне пришлось идти в «Репку» за картошкой, потому что, видите ли, кобель вермишель в качестве гарнира не жрал. Он тащился за мной на некотором расстоянии и облаивал. Когда мы проходили мимо милиции, он вообще завелся как психованный. Из подъезда выскочил капитан. «Это ваш пес? — спросил он. — Пройдемте!» После получасовой беседы в приемной комнате милиции я подписал протокол, в котором было зафиксировано, что моего пса (по кличке «Цыган», он же «Дик», он же «Джек») постоянно засекают в подъездах домов по улицам Векслера и Комсомольская, и если это повторится, то я для первого раза уплачу штраф 25 рублей, «а там будет видно». Дома меня встретила непривычно тихая жена. «Звонил мужик один с Векслера 2, — сказала она, глядя в сторону. — Собачка у него шесть щенков родила, копия наш Дик. Требуется, чтобы забрали.»

И вот я решил обратиться к читателям газеты «Импульс»: может, надо кому щеночков рублей по 5 за штуку? Плачу, конечно, я...

КУКИШ В КОБУРЕ

Тут нашу редколлегию недавно собрали и спросили: «Что это, товарищи, у нас «Импульс» заглох? Конечно, были у нас с вами неприятности, но мы извиняемся, да вы и сами виноваты, надо так писать, чтобы никого не обидеть, а вы? Так что давайте-ка, тем более теперь гласность нужна, но все же чтоб без дешевого зубоскальства». Стал я думать про себя, решил: нет, не получится, чтобы никого не обидеть. Да и надо ли? Уж и так все были у меня иносказания да иносказания, и уж все я иносказал, что без обид можно было. Перечитал я свои старые заметки и подумал: ну и что? Почитали когда-то, посмеялись и разошлись, толку-то? Писал, выходит, ради смеха? Прав был Николай Петрович Бовин, когда на утверждении моей характеристики сказал когда-то: «Да, конечно, общественная работа у товарища есть, в «Импульсе»... Но я вот сколько не читал — непонятно, зачем товарищ пишет?» Так все-таки чтобы понятно было и польза была — может, и надо кое-кого обидеть, вот так прямо, без хиханек и хаханек? Особенно непонятли-

вых или делающих вид? Ну хотя бы в отместку за свои собственные обиды, а то что ж получается: им можно, а мне нельзя? И какие-такие были у них реальные заслуги, специальное образование и дипломы мудрости I степени, чтобы постоянно учить меня не только

что, как и кому мне писать, но и как необходимо мне было безусловно одобрять, к примеру, решение мартовского Пленума ЦК 1965 года по производству мяса и все другие решения, потому что в то время как весь народ единодушно, а я, выходит, как белая ворона со своими оправданиями, что я не специалист по мясу? И как кого-то без обиды ткнуть носом в этот его опыт единодушного одобрения и святой веры в голый энтузиазм, и в эту его бездумность и легкость с пеной у рта сначала одобрять то, в чем он ни уха ни рыла, а потом с такой же пеной одобрять неодобрение ранее одобренного? Когда еще в бытность мою в комсомоле я услышал с трибуны областной конференции горячие слова одного секретаря о том, что указа-

ние о необходимости снова объединить ранее разъединенные промышленные и сельские организации как нельзя более правильно, поскольку уже тогда, когда принималось решение о разъединении, было очевидно, как это неправильно, я спросил его знакомых: «Где ж он был тогда? Ведь он же специалист, которому было очевидно, что ж он молчал?» Как раз его-то самого я и постеснялся спросить, боялся обидеть, а в результате с мясом в стране трудности...

А ведь не сделал он и ему подобные никаких выводов для себя, и сейчас ему живется неплохо, и никуда он не спрятался от стыда, а наоборот в массе своей остался на своем месте и будет подменять дело разговорами, а трезвость мышления — идеализмом, и цыкать при первой возможности, призывая с одной стороны, потенциальных Салтыковых-Щедринных и держа одновременно для них кукиш в растегнутой кобуре. И агитируя за широкомасштабную гласность, он как не доверял никому, так и не будет доверять. И если надо мне будет сделать 10 шагов в течение года, то и будет он требовать 10 раз на собрании мою характеристику рассматривать, и те же люди, которые знают меня как облупленного, будут каждый раз задавать мне разные вопросы, не понимая, почему я на это обижаюсь. Потому как так заведено, и опять же надо снять с себя ответственность: черт его знает, что этот Шириков может выкинуть, если ему доверять. И уже оглядываюсь я в очереди за государственным пивом, не берет ли меня кто на карандаш (потому что в то время как весь народ...), и уже советуют мне, чего бы не следовало петь на институтском капустнике (а кому-то и не советуют, а просто говорят: не надо, кладя руку на эту самую кобуру в предвидении возможных протестов). Ну и как же быть-то нам с новыми, по-прежнему красивыми лозунгами? А может, хоть можно обидеть хотя бы тех, кто, повторяя лозунги с трибуны, одновременно приготовил им фактический кукиш? Или так и будем смеяться дальше, но без зубоскальства? Тогда вот вам мое стило и можете смеяться сами...

От редколлегии (по поводу некоторых заметок в газете).
...Физик-теоретик Джолос обещает молоко в магазине «Ро-

машка»; сотрудница ЛВТА Карпова высказывает свое мнение о том, какие условия должны быть созданы для всех нас на строительстве 134-го корпуса... Обратите внимание: человек уже смирился с тем, что его отрывают от дела и заставляют убирать грязь на стройке — вопреки закону, вопреки экономической целесообразности, вопреки здравому смыслу, наконец, и тем хорошим и красивым словам, которые пишут в газетах... Человек про это уж и не заикается, он понял цену красивого слова про дисциплину труда, про экономию каждой минуты рабочего времени... Какой экономии он научится в ОРСе, совхозе или на нашей бесконечной стройке, работая за других, а иногда и просто просиживая часы без толку, наблюдая безобразную организацию труда, безответственность и бесхозяйственность? Вот и печет пироги сапожник, беспокоясь теперь только о том, чтобы его не убило... Ну что ж, давайте хоть это ему обеспечим, в самом деле! Только вот хватит ли для этого одного присутствия Петра Семеновича Кузнецова, назначенного ответственным за стройку, на рабочем месте с 8 до 17? Кстати, тоже сотрудника ЛВТА, а не строителя. Бытует, правда, и другое крайнее мнение о возможном выходе из положения. Так, один мэнээс, чуть не свалившийся со строительных лесов, сказал: «Даже жалко, что удержался. Может, хоть тогда бы начальство за ум взялось...» Но вот уж это-то — вряд ли...

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО АКТИВИСТАМ ОБЩЕСТВА ОХРАНЫ ПРИРОДЫ

Беги быстрее, там Астахова в подвале, на Курчатова 3, бьют! — закричала жена, когда я вернулся с работы. За ее спиной в голос рыдала соседка по лестничной клетке Астахова. Я кинул портфель и опрометью выскочил на улицу.

В подвале на улице Курчатова, дом 3, заслоняя спиной доски, поставленные на попу, Астахов отбивался рейкой от довольно здорового инженера Степанова из Лаборатории ядерных реакций.

— Шириков, выноси доски, я прикрою! — крикнул Астахов, когда я ссыпался по лестнице.

— Мои доски! Иван, запирай подвал! — завопил инженер Степанов, видя, что одному ему теперь не справиться. Я схватил доски в охапку и потащил наверх. Из бокового хода, пыхтя, задом выползал Иван.

— ... Помоги... Мос-с-сосыкнл застрял, помоги, друг... — прохрипел Иван, которого заметно качало.

— Куда ты его? — приостановился я.

— Шестой сарай разбираем... Вот моссосыкн заодно нашли... Степанов сказал: все подряд выноси... — пожаловался Иван и икнул...

По всей улице Курчатова ломали в подвалах деревянные сараи, и садоводы с «Дуракова поля», что за городской свалкой, растаскивали доски для своих участков. У меня никакого участка не было, и я встрял в это дело совершенно случайно. Все началось с того, что однажды я нашел в почтовом ящике записку Астахова: «Мы уезжаем в отпуск, поливайте помидоры, воду возьмишь на болоте». Собрав семью, я отправился на астаховский огород. Сушь стояла страшная, из болота около «Дуракова поля» пахло.

— Это что ж, тут же грязь одна! — спросил я астаховского соседа по огороду Левчановского, бодро шагнувшего с пустыми ведрами.

— Да ну, вон пошли на щелевский участок, он там себе колодец выкопал!

Колодец у замдиректора Щелева был что надо; воды, правда, маловато, но мы попривязывали веревки и когда вытаскивали по пятому ведру, Левчановский сказал:

— Ну, я пошел, а то вон Щелевы идут...

И он быстренько смотался. Я на всякий случай полведра обратно в колодец вылил и сел покурить, потому что Щелев меня уже все равно углядел. Подойдя, он мрачно покосился на мое ведро и тоже полез за сигаретами.

— Ничего у тебя колодец-то, молодец! — льстиво сказал я.

— Вода, между прочим, привозная... — с укором заметил Щелев и опять покопался на мое ведро. — Трудно нынче с водой-то!

— Да-а... — посочувствовал я. — Ну, я пошел, спасибо тебе!

Поливая последний помидор, я слышал, как на своем участке вздыхал Щелев.

Потом я уехал в отпуск, и все было хорошо, пока не пришла телеграмма: «Астахов

тяжелом состоянии больницы перитонит Астахова панике приезжай». С билетами было трудно, приехал я только на пятый день, в квартиру вбежал, на кухне Ширикова с Астаховой тихо так разговаривают...

Сердце у меня упало, ну, думаю, дело худо.

— Что с Астаховым?! — спрашиваю.

— На огороде твой Астахов! — говорят. — Вчера из больницы выписался, доски где-то купил, сарай делает!

Я плюнул и пошел на огород. Взгрозившись на ящик, Астахов приколачивал довольно симпатичную досочку. Рядом физик-теоретик Костя Рерих любовно докрашивал маленькую уютную будочку, назначение которой выдавали две пластмассовые крышки, аккуратно прислоненные к будочке. Я сразу вспомнил, как месяц назад ругался хозяйственный элтээфовский комендант, обнаруживший исчезновение точно таких же крышечек из общественного заведения на третьем этаже.

Невдалеке, у канавы, стоял старший научный сотрудник Злоказов и пристально следил за астаховской работой.

— Смотрит и смотрит, вот уж пять минут смотрит! — сердито сказал Астахов.

— Чего смотришь, старший научный? — крикнул я.

— Досочки больно хорошие... — застенчиво отозвался Злоказов. Вот уже полгода он сколачивал теплицу, и я часто наталкивался на него, когда он с мотоциклетным шлемом на голове таскал с ЛЯПовской площадки какие-то обрезки.

— Ты доски-то свои на улице не оставляй, — посоветовал я Астахову.

— Да уже не оставляю, сейчас остатки внутрь сарая запихаем и все кругом наглухо забьем! — громко, чтобы слышал Злоказов, заявил Астахов, с ожесточением заколачивая очередной гвоздь. Злоказов постоял еще минут пять, после чего вдруг повернулся и бросился бежать по дороге. Мы с удивлением посмотрели в ту сторону, после чего Астахов бросил молоток:

— Дуй, давай, Шириков, я быстро еще не могу, а там саженцы несут!

Вдали показалась толпа мужиков, размахивавших руками. В середине кучи сосредоточенно шагал главный по садовым участкам Никульников, бережно неся чего-то, похожее на букетик. Потом все сгрудились, Никульникова не стало видно. «Эх, не успеем», — решили мы, подбегая. На дороге рядом лежали прутьики, а начальник конструкторского

бюро Геннадий Иванович Олейник отбивался от Васи Руденко и еще какого-то в телогрейке:

— Ну и что, что деньги сдавали?! Все равно всем не хватит, а кто не пришел — тем совсем не давать!!

— Разыгрывать будем. Иди, Астахов, становись, назначать будешь, ты больной, тебя не тронут... — разрядил обстановку Щелев.

Я отошел от греха подальше в сторонку. Астахов вернулся очень скоро, ошеломленно глядя на какой-то корешок, зажатый в кулаке.

— Чего-то ценное! — с сомнением заявил он. — По десятке ведь скидывались!

На участке, когда мы копали ямку под ценный корешок, подошел многоопытный А. М. Кучер.

— Японская декоративная вишня, — со знанием дела заявил он. — Можете сразу выбрасывать. Все задушит.

Уходили мы тогда с огорода затемно. У края дороги, переговариваясь шепотом, двое быстро разгружали машину явно ворованного кирпича. Ползая по совершенно неммыслимым тоненьким перекрытиям, народ доколачивал последние планочки и драночки. В канаве, по колено в грязи, шестеро мужиков, матерясь сквозь зубы, забивали сваи под будущий мостик.

— Вот на работе бы так, — вздохнул Астахов.

— Ну, теперь полегче станет, зима же скоро? — спросил я.

— Ну да! — опять вздохнул Астахов. — Как подмерзнет, удобрение надо завозить... Вон под Юркиным куча какая, только без санок не возмешь...

— Минеральное? — наивно осведомился я.

— Натуральное! — коротко ответил Астахов.

...В эти предновогодние ночи, когда вы, товарищи активисты Общества охраны природы, будете по полям и лесам отлавливать порубщиков елок, я прошу вас: будьте осторожны. Не хватайте и не тащите в КПЗ без разбора любого, кто по пояс в снегу, с мешком на саночках пробирается откуда-нибудь из-под Волдыни или Юркина. Стойкий специфици-

ческий запах свалки всегда поможет опознать честного пайщика садоводческого общества: человека, который, не считаясь ни со своим личным, ни с рабочим временем, всем нам подает пример самозабвенного и самоотверженного труда. Поздравьте его с новым, 1982 годом: это будет трудный для него год. Закусывая в новогоднюю ночь магазинным огурчиком, вспомните, как дается такой же огурчик этому труженику, и выпейте за него. Ей-богу, он этого стоит!

ТАПОЧКИ С ЦВЕТОЧКАМИ

Дело было примерно за неделю до 8 марта, я отсидел пять часов на Ученом совете в Институте прикладной механики, голова тяжелая, дай, думаю, до поезда съезжу жене подарок куплю. А меня до этого Лидия Михайловна Шелонцева научила: «Будешь в Москве — загляни, — говорит, —

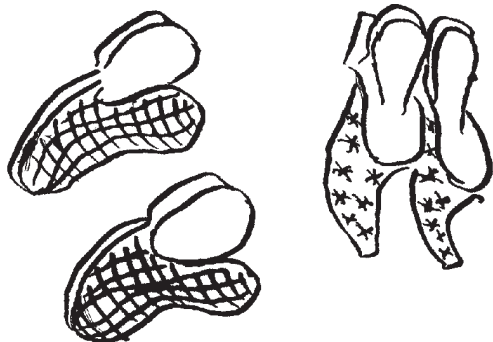

в «Ядран», магазин такой, вроде как югославский, купи сумочку или еще чего, там всего много и все хорошее». Поехал я на метро, на станции даже указатель: «К магазинам «Ядран» и «Лейпциг». Вышел — пусто кругом на километр и лес виднеется. Хорошо, знающий человек попался: «Поезжай, — говорит, — три остановки на автобусе, а там куда все побе-

гут — туда и ты». Это меня малость насторожило, но поехал. Добрались мы до домика такого задрипанного, кругом сугробы. Дверей не видно, похоже, что за углом, а с этой стороны только окошечко открылось и две продавщицы пакетики выкладывают. Я на это внимания не обратил — и за угол, а оттуда как шарахнет толпа человек двести! Прижало меня к окошечку, и я руками-то прямо на эти пакетики и наехал. Ну, тут как все заорут: «Не давайте ему столько, что за безобразие!» «Гражданин, имейте совесть, — тихо сказала одна из продавщиц. — Больше двух пар в одни руки давать не будем...» Как я оттуда выбрался — уму непостижимо. Оказалось, тапочки какие-то особенные выбросили, с цветочками. Я было к главным дверям, но уж сквозь стекло вижу — клубится все внутри, двух милиционеров с рациями в толпе крутит, а из дверей выпадает мужик такой расхристанный в дубленке, но без пуговиц, и две тетки, и у них у каждого в левой руке те же тапочки, а в правой — чашки какие-то глиняные, на вид барахло, но в коробочке. Короче, вернулся я в Дубну без подарка и злой на эту Лидию Михайловну. Три недели с ней не здоровался, а тут на днях является она вместе с Шириковой прямо ко мне в комнату: «Слава! — говорит. — Сегодня в Доме ученых фильм такой, что даже объявления нет! Мы по секрету узнали, в шесть часов начало!» Я на нее поглядел и сразу про тапочки вспомнил. Ну ладно, думаю, последний раз поверю. Опять же Дом ученых не «Ядран», интеллигенция же, ученые... Приперлись аж к пяти тридцати, чтоб наверняка, и даже Кулюкина с нами, уж на что все жалуется, что и на работу-то еле-еле ходит. Очередь вытягивалась на улицу и обсуждала, когда же начнут продавать билеты и хватит ли. Все было культурно, пока не подвалила целая куча народу

и не поперла прямо вовнутрь. «Вы куда, товарищи? За билетами в порядке очереди!» — завертелась Лидия Михайловна. «А у нас уже есть билеты!» — сказали ей из середины кучи. Очередь ахнула. Тут же выяснилось, что никто ничего продавать и не собирался, а каким манером все билетики рассосались — одному начальству известно. Лидия Михайловна сначала все рвалась в зал и кричала: «Блатники!» Но тут вызвали милицию, и ей пришлось отступить. «Ничего, — сказала она. — Я вот после сеанса встану у дверей и буду им в глаза глядеть, пусть им стыдно будет!» Ничего у нее на самом деле из этого замысла не вышло, потому как тех потом потихому через другой ход выпустили и сразу на 9-30 продажу начали. Тут уж такая свалка образовалась, что любо-дорого. Лидию Михайловну повалили сразу же, и если бы не Дим Димыч Крюков с Джилом Понтекорво, вставшие грудью в заградительную цепь, ей бы пришлось худо. Кулюкина дралась в первых рядах: сказала походная закалка. Меня спихнули с крыльца и наступили на руку, да еще один милиционер сверху упал, поэтому я не стал досматривать чем это кончится, а плюнул и пошел домой спать. Где-то без четверти двенадцать меня растолкала возбужденная жена: «Во

кино! Давай, ты еще на двенадцатичасовой сеанс успеешь!» Второй глаз у нее открывался почему-то только наполовину. Я повернулся на другой бок, натянул на голову одеяло и кое-как уснул, хотя всю ночь потом мучили кошмары: снились Лидия Михайловна и Дим Димыч в тапочках с цветочками.

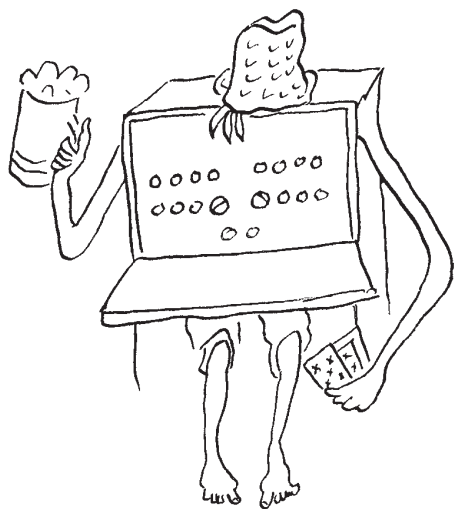

**ЗАЯВЛЕНИЕ
НА СОБРАНИИ-СЕМИНАРЕ,
ПОСВЯЩЕННОМ
80-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
М. Г. МЕЩЕРЯКОВА**

Мое выступление может оказаться неожиданным для юбиляра, хотя тема, в общем-то, та же, по которой я и раньше выступал на производственных совещаниях и НТС: анализ личных качеств. Когда-то, лет 20 назад, он, совсем еще молодой и неопытный директор ЛВТА, сделал меня начальником отдела, положившись, возможно, на совет Говоруна и не усмотрев в моем скромном, молодом и симпатичном (тогда) виде ничего опасного. За эти годы, как мне кажется, трудно было назвать другого из подчиненных, настолько строитивого и доставлявшего ему столько неприятностей своими высказываниями на совещаниях, оголтелой производственной критикой и т. п. (не считая, конечно, В. И. Мороза). Вдобавок еще он оказался главным объектом моих ехидных замечок в стенной газете лаборатории. Мне казалось сначала, что он безапелляционен (так он держался на встречах с начальниками отделов и членами своей дирекции), любит не возражающих и ублажающих его, и я с интересом ожидал, насколько хватит его терпения и когда же он попытается поставить меня на место и тюкать как более покладистых и робких. Единственное, где мы сразу нашли с ним общий язык — это на банкетах: он оказался прекрас-

ным тамадой с широким кругозором и хорошо развитым чувством юмора (правда, если тосты и разговоры не касались политики: тут он свято следовал не раз цитировавшейся им самим рекомендации из устава американской пехоты — «не высовываться»). Другой общей областью интересов (и в каком-то смысле слабостью) оказались женщины: это тот объект, против которого он никогда не мог и не может устоять. Я понимал, однако, что всего этого недостаточно для установления хороших производственных отношений. Для трезвой оценки своих жизненных перспектив я стал более внимательно наблюдать за ним и обнаружил, что он, в общем-то, полноценный настоящий мужик не только в сексуальном плане и уважает в других элементы мужского начала, т. е. агрессивность, упрямство, чувство собственного достоинства, собственное мнение и тому подобное. Ну и соображает, опять же. Все сложилось одно к одному, и за совокупность всех перечисленных качеств настоящего мужчины я, никогда и намека не делавший на какие-либо теплые чувства по отношению к начальству, и признаюсь в них сегодня с этой трибуны. Заявляю также, что поскольку мне удалось вчера отоварить винный талон, то я с удовольствием выпью сегодня вечером за здоровье юбиляра. То же я обязал сделать и весь мужской состав отдела НИОРЭМО ЛВТА, против чего никто не возражал.

18 сентября 1990 г.
Нач. НИОРЭМО ЛВТА
Шириков

**Н. Н. ГОВОРУНУ
ПО ПОВОДУ ПРИСВОЕНИЯ
ЗВАНИЯ ДОКТОРА**

Заместителю директора ЛВТА ОИЯИ
доктору наук Н. Н. Говоруну

Мы, основные вычислительные машины ОИЯИ, шлем свои поздравления в честь присвоения Вам нового звания.

Хотя Вы теперь приходите к нам только с делегациями, мы знаем Вас и по рассказам старых институтских машин, и по разговорам математиков. Большая часть этой информации путана и противоречива. Урал-1, проданный на «тридцатку» за полное отсутствие оперативной памяти, с трудом припомнил: «Был вроде такой юзер». Мало было проку и от бедного «Киева», у которого еще при рождении заходил диод за триод, а когда Вы устроили ему связь с М-20, так совсем стало ясно, что никакого от него проку не будет. И пошли тогда в институт разные другие машины, и математики стали говорить, что все Говорун виноват, и часто называли Вас нехорошим словом «начальник». Ваш оптимизм стал общеизвестным, но всегда сходил Вам с рук. Мы всегда будем Вам более признательны, чем люди. Вы приютили машину СДС-1604А, списанную по старости у себя на родине, в Штатах; Вы так легко взялись сделать математическое обеспечение БЭСМ-6, которая с завода пришла дура душой, что разбе-

жалась вся группа автоматизации программирования в институте. Вы нашли новых людей только потому, что те не знали, что такое «автоматизация», а теперь БЭСМ-6 даже и разговаривает-то исключительно по-английски.

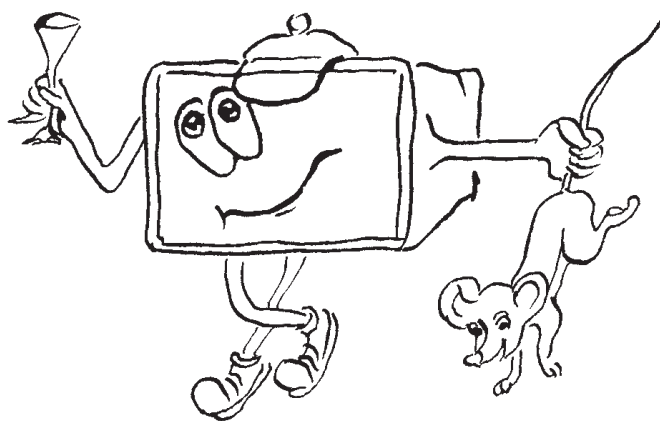
Вместе с Вами мы растем не только количественно, но и качественно.

Вы назвали нас в диссертации «комплексом», а Вас за это назвали «доктором».

От математиков службы ОБС мы знаем, что Вы планируете нам связь с машинами ЦЕРНа и Рио-де-Жанейро. Мы надеемся, что с Вашей помощью Дубна станет столицей вычислительного мира. В честь этого будущего события и в ознаменование дня Вашей защиты машины ОИЯИ включаются в борьбу за звание машин беспрофилактического труда.

С вычислительным приветом,

БЭСМ-4, МИНСК-2, СДС-1604А, БЭСМ-6 (всего 10 подписей).

ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА

Почему, из чего и как появилось это издание, готовившие его более-менее уже объяснили в предисловии, я только могу еще оправдаться и со своей стороны... В 1960-е и 1970-е годы с оформлением любой характеристики могли быть проблемы, ежели за тобой никакой общественной работы не значится... Вот и стал думать ряд непристроенных товарищей вроде Ширикова, Корнейчука, Мазепы, Мазного, Расторгуева и др. — куда бы податься в этой части: записаться в университет марксизма-ленинизма — вроде звучит, но это же учеба, за работу не посчитают... В агитаторы и пропагандисты — даже смешно говорить... Ну какой, скажем, из того же Ширикова пропагандист, если он на комиссии перед оформлением в ЦЕРН на вопрос о личной оценке решений мартовского Пленума ЦК КПСС по животноводству честно ответил, что он не специалист по мясу? А что было потом перед поездкой в Польшу, когда его попросили перечислить членов политбюро Польской рабочей партии? Ну назвал бы на всякий случай хотя бы Гомулку, так ведь нет, возмутился и демонстративно покинул заседание... В этом смысле всей упомянутой выше компании крупно повезло, когда предложили оформляться в редколлегиях стенгазеты «Импульс», отвечать за тот несерьезный раздел, о котором сказано в предисловии, но с условием никого не обижать в своих писаниях... Тот способ Этери Васильевны Шараловой не дать нам заволыннить, о котором упомянуто в предисловии, я и сам стал применять потом в дни подготовки к празднованиям 8 марта в ЛВТА: собирал мужскую часть своего отдела на ночь, каждому определялся список женщин и обязанность написать для каждой стихотворное поздравление; по мере готовности написавший оглашал получившийся результат, выслушивал нелицеприятную критику и перерабатывал... Так в муках рождались шедевры типа того посвящения на тему о неразделенных чувствах, которое начиналось словами «Роза Ивановна, что ж ты...» и завершалось строкой: «...И тогда перед тобою преклоню я грудь свою...»

Конечно, насчет того, что труды наши пользовались таким уж общим признанием, как это сказано в предисловии, это малость преувеличение (как сказал как-то Николай Петрович Бовин на заседании партбюро: «Да, конечно, вроде бы общественная работа у товарища Ширикова есть, но я вот читал его заметки и не совсем понятно — что и зачем товарищ пишет... Я вот так-то тоже Эренбурга читал — тоже непонятно...»), всякое бывало, но в целом — да, вроде народу нравилось, около газеты был замечен даже

читавший про себя М. Г. Мещеряков. А когда в 1960-х годах газета висела около буфета ЛТФ, то в редакции шутили, что газета занимает выгодное географическое положение — все посетители буфета являются потенциальными читателями.

Архив с материалами отдела сатиры и юмора Саша Расторгуев несколько лет назад поместил в Интернете, в разделе Дубненского городского сайта <http://www.dubna.ru/rastor/Impuls>, и сейчас мы иногда с удовольствием перечитываем сделанное (например, содержание одного из первоапрельских номеров газеты), вспоминаем и себя в те времена, и обсмеянные нами (но, ей-богу, не по злобе, а по-доброму) обстоятельства и конкретных людей в разных обстоятельствах... Так что я, по крайней мере, искренне благодарен и женской команде подруг во главе с Нелей Шириковой, собиравшей все мое до кучи и украшавшей рисунками Оли Благодравовой, и дирекции ЛИТ, подержавшей издание несмотря на мои запоздалые протесты против всей этой затеи... ну и, естественно, милым женщинам издательского отдела ОИЯИ, выпустившим книжку даже при наличии в ней заметки «Славянский базар».

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
О машинах	5
Как я был начальником	7
Совершенствовать организацию труда	10
Четвертый сон Николая Павловича	14
Хочу жвачки	17
Не везет	20
Как я остался на второй год	23
Новая система в действии	28
Славянский базар	31
Где я?	34
Жанна и ЭВМ	37
Инструкция по использованию мужа в домашнем хозяйстве	41
Женщине, выбирающей себе мужа	44
Прогресс и женщина	47
Как начальник отдела	54
Домбай	57
Приезжайте на Белую	61
Как мы встречали Новый год	64
О грибах	67
Кому дать по шапке?	70
За новую организацию	72
Письма из Женевы	77
Из Женевы, с любовью	82
Баня	86
Дубна в году ... 1981-м	90
Частушки	94
Н. Н. Говоруну от детей в честь 50-летия	98
010101 ≠ 25	100
Эти жены	103

Цвет маренго	106
Отчет по первому кварталу	110
Лучшее средство для похудания	113
Итоги 1978 года	116
НТС	120
Бабы	124
Я предпочел бы жить в XVI веке	128
Страшный сон	130
Собачья жизнь	133
Кукиш в кобуре	136
Открытое письмо активистам	
Общества охраны природы	140
Тапочки с цветочками	146
Заявление на собрании-семинаре, посвященном 80-летию	
со дня рождения М. Г. Мещерякова	149
Н. Н. Говоруну по поводу присвоения звания доктора.	151
Послесловие автора	153

Шириков Владислав Павлович
ИЗБРАННОЕ

Компьютерная верстка
Л. М. Крыловой, О. А. Рапортиренко

Подписано в печать 21.03.2006.
Формат 70×100/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 12,76. Уч.-изд. л. 8,5. Тираж 250 экз. Заказ № 55267.

Издательский отдел Объединенного института ядерных исследований
141980, г. Дубна, Московская обл., ул. Жолио-Кюри, 6.

E-mail: publish@pds.jinr.ru
www.jinr.ru/publish/